

«ЗНАНИЕ»

Подписная научно-популярная серия

«Знак вопроса»

4'90

Юрий Росциус

ДНЕВНИК ПРОРОКА?

Подписная научно-популярная серия

«Знак вопроса»

Издается ежемесячно с 1989 года.

Юрий Росциус

ДНЕВНИК ПРОРОКА?

Издательство «Знание» Москва

4'90

ББК 88
Р 80

Автор: РОСЦИУС Юрий Владимирович — инжеиер. Печатается с 1969 года. В отечествеииой и зарубежиой печати опубликовал около тридцати работ, посвящеииых выявлеиию, анализу достовериости, интерпретации феноменов, пока не нашедших признания. В 1989 году в серии «Зиак вопроса» им опубликоваиа брошюра «Последняя книга Сивиллы?»

Редактор: *Г. Г. КАРВОВСКИЙ*

Росциус Ю.

Р 80 Дневник пророка? — М.: Знание, 1990.— 48 с., ил.— (Подписная научно-популярная серия «Знак вопроса»; № 4).

ISBN 5-07-001285-1

15 к.

Может лн человек заглянуть а будущее? Ответ на этот вопрос будет, пожалуй, утверднтельным, еслн ныеть в анду диеаник московского школьннка Леаы Федотоаа, за 17 дней до войиы предсказавшего достаточно точно дату ее начала и даже характер боеаых действнй.

На примере этого докуыента н его анализа читатель может ознакомиться с эпохой н рядоы документов, далеко не асем известных, данных в коитексте грозных аоенных лет.

0301010000 ББК 88

ISBN 5-07-001285-1

К читателю

Ознакомившись с дневником московского школьника Левы Федотова, многие на вопрос, можно ли заглянуть в будущее, ответят, скорее всего, положительно. Действительно, в этом дневнике, написанном 18-летним юношей незадолго до начала Великой Отечественной войны, не только содержится достаточно точно указанная дата начала войны, но и раскрыт основной смысл и содержание захватнического плана «Барбаросса», дан блестящий детальный прогноз будущего, показана ущербность и бесперспективность этого плана, неизбежность краха германских военных устремлений. Записи, содержащие эти прогнозы, сделаны за 17 дней до начала войны.

«Знак вопроса» уже обращался к теме предвидения будущего — это вышедшая в 1989 году брошюра Ю. В. Росциуса «Последняя книга Сивиллы?». В ней речь шла так сказать, об индивидуальном прогнозировании будущего — судьбе отдельной личности. Дневник Левы Федотова — поразительный пример подтвердившегося прогноза судеб не отдельных личностей, а целых государств.

Считая основную часть читательской аудитории достаточно подготовленной для самостоятельного анализа и оценки высказываний Льва Федотова, в предлагаемой работе текст дневника цитируется большими кусками без правки, что позволяет донести до читателя без искажений весь букет информации о тех незабываемых годах, охарактеризовать Льва Федотова как человека и установить соответствие его поразительных прогнозов реальным событиям, фактам, документам, высказываниям, оценкам, позже ставшим известными благодаря гласности.

Конечно, читая дневник, нельзя не отметить наивность некоторых аргументов, представлений тогдашнего школьника. Но следует помнить, что сегодня каждый читатель располагает несоизмеримо большим объемом информации, корректирующей отношение к прошлому, в частности, к ранее распространенной восторженности по поводу нашей силы, праведности и гуманизма, частично нашедших отражение в дневнике Левы.

Тем не менее дневник — интереснейший документ тех тревожных и грозных лет, и публикация материала о нем в связи с 45-летием Победы и в связи с безусловным благодарственным интересом людей, ныне живущих, к тем дням представляется редакции весьма уместной и оправданной.

На долю человеческого разума выпала странная судьба в одной из областей его познания: его осаждают вопросы, от которых он не может отделаться, так как они задаются ему собственной его природой, но в то же время он не может ответить на них, так как они превосходят его силы.

Иммануил Кант. Предисловие к первому изданию «Критики чистого разума»

Каждый стоит столько, сколько стоит то, о чем он хлопочет!

Марк Аврелий

Весьма вероятно, что настоящая работа не была бы написана, если бы ее автор со странным чувством неловкости не ощутил в конце 1940-го — начале 1941 года потребность или страсть к безудержному и необъяснимому приобретению товаров, в ту пору далеких от дефицита: хозяйственного мыла, спичек, простых карандашей, касторового масла и... рыбьего жира.

Странный набор для шестнадцатилетнего мальчишки, увлекавшегося радиолюбительством и постоянно ощущавшего голод, ибо длительная болезнь отца, умершего 7 ноября 1940 года, истощила все ресурсы семьи, перебивавшейся на скромную зарплату матери и более чем скромную пенсию отца.

Не имея, как все мальчишки, источников дохода, я бродил по всякого рода «злачным местам», собирая бутылки, старые калоши, черный и цветной металл. Сдавая собранное в палатки вторсырья, я получал необходимые оборотные средства и скупал вышеназванное.

Подобная деятельность плохо вписывалась в рамки малометражного коммунального быта и скоро перестала быть секретом для моих родственников — бабушки, матери и брата. Не могу сказать, что мое увлечение было благосклонно принято в семье, стесненной как материально, так и территориально. Представьте себе фанерные ящики, в которых покоились сотни пачек спичек, кусков стирального мыла, десятки коробок карандашей (по 250 штук в каждой), рыбий жир и касторовое масло, сливаемое мною из пузырьков в большие бутылки, и т. п. Оглядываясь в прошлое, я удивляюсь долготерпению бабушки, матери и брата, продолжавших жить в столь пожароопасной и душистой комнате.

Позже, во время войны, мой интуитивно сформировавшийся склад не без пользы был реализован на благо семьи.

Происходившее тогда ныне я не могу связать ни с чем другим, кроме подсознательной информированности в том, что предметы странной для мальчишки страсти вдруг, подобно акциям, резко возрастут в цене и помогут пережить тяжкие годы войны.

Прошли десятилетия, и странности моего поведения тех лет стали забываться. Сегодня, пожалуй, не осталось в живых свидетелей моей патологической страсти.

Вероятно, именно воспоминания об этом послужили основанием к появлению у меня позже пристального внимания к фактам, сходным с приведенными выше. Подобные факты изначально собирались в памяти, группировались, затем после записи и сортировки стали подталкивать меня на размышления о причинах наблюдаемого.

Поразительные ощущения и поведение некоторых личностей, упреждающих те или иные события, словно бы сигнализирующие, предупреждающие о грядущем, известны с давних пор. Возможно, что и читатели испытывали нечто подобное. Не пережившие аналогичных ощущений, очевидно, слышали о них или встречали в литературе прошлых лет.

Несомненно, что достоверность известных свидетельств варьирует в весьма широких пределах — от абсолютно беспочвенных измышлений до непреложно документированных фактов.

Существование последних и дает нам повод и право обращать взоры и тратить силы на исследование фактов такого рода в надежде на выявление закономерностей происходящего, постижение механизма, причинно-следственных связей, построение гипотез, организацию экспериментальных проверок либо статистической обработки фактов, на поиск, выявление и обследование сенситивных натур такого рода.

В языке существует множество различных терминов, отражающих наличие широкой гаммы подобных ощущений и свойств, начиная от предчувствия, через предвидение, предзнание, предсказание, предвидение и т. п.

Рассмотрению части подобных проявлений был посвящен ряд моих работ, опубликованных в журналах и книгах прошлых лет. В 1989 году в серии брошюр «Знак вопроса» была опубликована работа «Последняя книга Сивиллы?» (Знак вопроса.— 1989.— № 11).

В предлагаемой брошюре делается попытка анализа любопытного документа — дневника московского школьника Левы Федотова, весьма примечательного с указанных выше позиций.

Нибелунги XX века

Немногие теперь помнят 21 июня 1941 года. Последний предвоенный вечер. Фашистская Германия изготовилась к броску на Восток. Ждали утренней зари 22 июня — времени начала реализации плана «Барбаросса». Армия Германии, поглотившая 17 стран Европы, оснащенная прекрасным наступательным оружием, поднаторевшая в грабежах и разбое, занесла солдатский сапог над нашей границей. Было тихо.

Еще не грянул час войны. Еще молчали пушки, готовые принять в свои стальные лона снаряды «первого удара». Еще не взревели двигатели самолетов, до отказа набитых бомбами для мирных городов Советской России. 170 дивизий отборных головорезов, потомков легендарных белокурых нибелунгов, убежденных в своем превосходстве и праве решать судьбы народов, были готовы на любую жестокость, зверство, беззаконие.

Назвав своим союзником самого Господа Бога, они без ложной скромности написали об этом на пряжках солдатских ремней. С ними Бог — чего им бояться? Они были готовы к бою и победе, внутренне готовились к параду на Красной площади, им казалось, что они уже начали побеждать.

История еще не свершила свой суд. Еще были живы 12 апостолов Гитлера, позже приговоренных Нюрнбергским трибуналом за преступления против человечества к смерти через повешение. И они, и те, кто смотрели в тот вечер сквозь стекла цейсовских биноклей на наш каравай, были обречены, не сделав даже первого шага, еще не распечатав сургуч секретных пакетов. В маленькой квартире в центре Москвы, неподалеку от Кремля, уже был написан не подлежащий обжалованию приговор их преступной затее, поставлена в нем последняя точка. Решение было вынесено и зафиксировано в обычной школьной тетради дневника восемнадцатилетнего Левы Федотова.

Этот болезненный московский школьник уже измерил, взвесил и... предрешил судьбу фашистской Германии за 17 дней до начала войны, ставшей вечным позором фашизма и торжеством гуманизма и жизни.

Именно в этот душный предвоенный вечер Лева с тревожно бьющимся сердцем думал о том, что, возможно, уже сейчас прогремели первые залпы новой войны, и внес эту запись в дневник. Она сохранилась. Позже мы приведем и ее. Пока же благоговейно прикоснемся к старой тетради фабрики «Светоч» в картонном переплете, на обложке которой римскими цифрами начертано XIV. На страницах, датированных 5 июня 1941 года, среди прочих записей привлекают внимание следующие пророческие мудрые слова, которые можно рассматривать как либретто Великой Отечественной войны.

Либретто Великой Отечественной войны

Часть I (Тетрадь XIV)

«Хотя сейчас Германия находится с нами в дружественных отношениях, но я твердо убежден (и это известно также всем), что это только видимость. Я думаю, что этим самым она думает усыпить нашу бдительность, чтобы в подходящий момент всадить нам отравленный нож в спину. Эти мои догадки подтверждаются тем, что германские войска особенно усиленно оккупировали Болгарию и Румынию, послав туда свои дивизии. Когда же в мае немцы высадились в Финляндии, то я твердо приобрел уверенность о скрытной подготовке немцами нападения на нашу страну со стороны не только бывшей Польши, но и со стороны Румынии, Болгарии и Финляндии, ибо Болгария не граничит с нами по суше, и поэтому она может не сразу, вместе с Германией, выступить против нас. А уж если Германия пойдет на нас, то нет сомнения в той простой логической истине, что она, поднажав на все оккупированные страны, особенно на те, которые пролегают недалеко от наших границ, вроде Венгрии, Словакии, Югославии, а может быть, даже Гре-

ции и, скорее всего, Италии, вынудит их также выступить против нас с войной.

Неосторожные слухи, просачивающиеся в газетах о концентрации сильных немецких войск в этих странах, которую немцы явно выдают за простую помощь оккупационным властям, утвердили мое убеждение в правильности моих тревожных мыслей. То, что Германия задумала употребить территории Финляндии и Румынии как плацдарм для нападения на СССР, это очень умно и целесообразно с ее стороны, к несчастью, конечно, нужно добавить, владея сильной военной машиной, она имеет полную возможность растянуть восточный фронт от льдов Ледовитого океана до черноморских волн.

Рассуждая о том, что, рассовав свои войска вблизи нашей границы, Германия не станет долго ждать, я приобрел уверенность в том, что лето этого года будет у нас в стране неспокойным. Долго ждать Германии действительно нечего, ибо она, сравнительно мало потеряв войск и вооружения в оккупированных странах, все еще имеет неослабевшую военную машину, которая в течение многих лет, а особенно со времени прихода к власти фашизма, пополнялась и крепла от усиленной работы для нее почти всех отраслей промышленности Германии и которая находится вечно в полной готовности. Поэтому стоит лишь только немцам расположить свои войска в соседних с нами странах, она имеет полную возможность без промедления напасть на нас, имея всегда готовый к действию механизм. Таким образом, дело только лишь в долготе концентрации войск. Ясно, что к лету концентрация окончится и, явно боясь выступить против нас зимой, во избежание встречи с русскими морозами, фашисты попытаются втянуть нас в войну летом... Я думаю, что война начнется или во второй половине этого месяца (т. е. июня), или в начале июля, но не позже, ибо ясно, что германцы будут стремиться окончить войну до морозов.

Я лично твердо убежден, что это будет последний наглый шаг германских деспотов, так как до зимы они нас не победят, а наша зима их полностью доконает, как это было дело в 1812 году с Бонапартом. То, что немцы страшатся нашей зимы,— это я знаю так же, как и то, что победа будет за нами! Я только не знаю, чью сторону примет тогда Англия, но я могу льстить себя надеждой, что она, во избежание волнений пролетариата и ради мщения немцам за изнурительные налеты на английские острова, не изменит своего отношения к Германии и не пойдет вместе с ней.

Победа-то победой, но вот то, что мы можем потерять в первую половину войны много территории, это возможно. Эта тяжелая мысль вытекает у меня из чрезвычайно простых источников. Мы, как социалистическая страна, которая ставит жизнь человека превыше всего, сможем во избежание больших людских потерь, отступая, отдать немцам кое-какую часть своей территории, зная, что лучше пожертвовать частями земли, чем людьми, (ведь та) земля в конце концов, может быть, и будет нами отвоевана и возвращена, а вот жизни наших погибших бойцов нам уже не вернуть. Германия же, наоборот, стремясь захватить побольше земель, будет бросать войска в наступление напропалую, не считаясь ни с чем. Но фашизм жаждет не сохранения жизни

Я лично твердо уверен, что это будет последний нахальный шаг германских деспотов, так как до зимы они нас не победят, а наша зима их полностью доконает, как это было дело в 1812 году с Бонапартом. То, что немцы страшатся нашей зимы — это я знаю так же, как и то, что победа будет именно за нами! Я только не знаю, чью сторону примет тогда Англия, но я могу льстить себя надеждой, что она, во избежание волнений пролетариата и ради мщения немцам за бомбардирующие налеты на английские острова, не изменит своего отношения к Германии и не пойдет вместе с ней.
Победа-то победой, но вот то, что мы сможем потерять в первую половину войны много территории, это возможно. Эта тяжелая мысль вытекает у меня из чрезвычайно простых источников. Мы, как социалистическая страна, которая ставит жизнь человека превыше всего, можем во избежание больших людских потерь, отступая, отдать немцам кое-какую часть своей территории, зная, что лучше потерять часть земли, чем людей (ведь эта земля, в конце концов, может быть и будет нами отвоевана и возвращена, а вот жизни наших погибших бойцов нам уже не вернуть). Германия же, наоборот, стремится захватить побольше

Рис. 1. Фрагмент с. 79, тетрадь XIV

его солдат, а новых земель, ибо самая основа нацистских мыслей — это завоевание новых территорий и вражда к человеческим жизням.

Захват немцами некоторой нашей территории еще возможен и потому, что Германия пойдет только на подлость, когда будет объявлять о начале выступления против нас. Честно фашисты никогда не поступят! Зная, что мы представляем для них сильного противника, они, наверное, не будут объявлять нам войну или посылать какие-либо предупреждения, а нападут внезапно и неожиданно, чтобы путем внезапного вторжения успеть захватить побольше наших земель, пока мы еще будем распределять и стягивать свои силы на сближение с германскими войсками. Ясно, что честность немцев совершенно скоро погубит, а путем подлости они смогут довольно долго продержаться.

Слов нет — германский фашизм довольно силен и хотя уже немного потрепался за время оккупации ряда стран, хотя разбросал по всей Европе, Ближнему Востоку и Северной Африке свои войска, он все же еще, выезжая только на своей чертовски точной военной машине, сможет броситься на нас. Для этого он имеет еще достаточно сил и неразумности.

Я только никак не могу разгадать, чего ради он готовит на нас нападение? Здесь укоренившаяся природная вражда фашизма к советскому строю не может быть главной путеводной звездой! Ведь было бы все же разумно с его стороны окончить войну с англичанами, залечить свои раны и со свежими силами ринуться на Восток, а тут он,

еще не оправившись, не покончив с английским фронтом на западе, собирается уже лезть на нас. Или у него в запасе есть, значит, какие-нибудь секретные новые способы ведения войны, в силе которых он уверен, или же он лезет просто сдуру, от вскружения своей головы от многочисленных легких побед над малыми странами.

Уж если мне писать здесь все откровенно, то скажу, что, имея в виду у немцев мощную, питавшуюся многие годы всеми промышленностями военную машину, я твердо уверен в территориальном успехе немцев на нашем фронте в первую половину войны. Потом, когда они уже ослабнут, мы сможем выбить их из захваченных районов, и, перейдя к наступательной войне, повести борьбу уже на вражеской территории. Подобные временные успехи германцев еще возможны и потому, что мы, наверное, как страна, подвергшаяся внезапному и вероломному нападению из-за угла, сможем сначала лишь отвечать натиску вражеских полчищ не иначе как оборонительной войной...

Я готов дать себя ко вздергиванию на виселицу, но я готов уверить любого, что немцы обязательно захватят все эти наши новые районы и подойдут к нашей старой границе, так как новые границы мы, конечно, не успели и не умеем укрепить. Очевидно, у старой границы они задержатся, но потом вновь перейдут в наступление, и мы будем вынуждены придерживаться тактики отступления, жертвуя землей ради жизни наших бойцов. Поэтому нет ничего удивительного, что немцы

Рис. 2. Фрагмент с. 81, тетрадь XIV

вступят и за наши старые границы и будут продвигаться, пока не выдохнутся. Вот тогда только наступит перелом, и мы перейдем в наступление.

Как это ни тяжело, но вполне возможно, что мы оставим немцам, по всей вероятности, даже такие центры, как Житомир, Винница, Витебск, Псков, Гомель, и кое-какие другие. Что касается столиц наших старых республик, то Минск мы, очевидно, сдадим; Киев немцы также могут захватить, но с непомерно большими трудностями.

О судьбах Ленинграда, Новгорода, Калинина, Смоленска, Брянска, Гомеля, Кривого Рога, Николаева и Одессы — городов, лежащих относительно невдалеке от границы, я боюсь рассуждать. Правда, немцы, безусловно, настолько сильны, что не исключена возможность потерь и этих городов, за исключением только Ленинграда.

То, что Ленинграда немцам не видать, это я уверен твердо. Ленинградцы — народ орлы! Если же враг и займет его, то это будет лишь тогда, когда падет последний ленинградец. До тех пор, пока ленинградцы на ногах, город Ленина будет наш! То, что мы можем сдать Киев, в это я еще верю, ибо мы будем его защищать не как жизненный центр, а как столицу Украины, но Ленинград непомерно важнее и ценнее для нашего государства.

Возможно, что немцы будут брать наши особенно крупные города путем обхода и окружения, но в это я верю лишь в пределах Украины, ибо, очевидно, главные удары противника будут обрушиваться на наш юг, чтобы лишить нас наиболее близких к границе залежей криворожского железа и донецкого угля. Тем более немцы могут особенно нажимать на Украину, чтобы не так уж сильно чувствовать на себе крепость русских морозов, ибо война обернется в затяжную борьбу, в чем я сам лично нисколько не сомневаюсь. А известно, что на Украине сильные морозы редкое явление.

Обходя, например, Киев, германские войска могут захватить по дороге даже Полтаву и Днепропетровск, а тем более Кременчуг и Чернигов.

За Одессу как за крупный порт мы должны, по-моему, бороться интенсивнее, чем даже за Киев, ибо Одесса ценнее последнего, и я думаю, одесские моряки достойно всыпят германцам за вторжение в область их города.

Если же мы и сдадим по вынуждению Одессу, то с большой неохотой и гораздо позже Киева, так как Одессе сильно поможет море.

Понятно, что немцы будут мечтать об окружении Москвы и Ленинграда, но, я думаю, они с этим не справятся; это им не Украина, где вполне возможна такая тактика. Здесь же дело касается жизни двух наших главнейших городов — Москвы как столицы и Ленинграда как жизненного промышленного и культурного центра.

Допустить сдачу немцам этих центров — просто безумие. Захват нашей столицы лишь обескуражит наш народ и воодушевит врагов. Потеря столицы — это не шутка!

Окружить Ленинград, но не взять его фашисты еще смогут, ибо он все же сосед границы; окружить Москву они, если бы даже и были в силах, то просто не смогут это сделать в области времени, ибо они не

Рис. 3. Фрагмент с. 82, тетрадь XIV

успеют замкнуть кольцо к зиме — слишком большое тут расстояние. Зимой же для них районы Москвы и дальше будут просто могилой!

Таким образом, как это ни тяжело, но временные успехи немцев в территории непредотвратимы. От одного они не спасутся даже во времени этих успехов: они как армия наступающая, не заботящаяся о человеке, будут терять живые и материальные силы, безусловно, в больших масштабах по сравнению с нашими потерями. Наступающая армия всегда способна встречать больше трудностей и способна терпеть больше потерь, чем армия отступающая,— это закон!

Я, правда, не собираюсь быть пророком, я мог и ошибиться во всех этих моих предположениях и выводах, но все эти мысли возникли у меня в связи с международной обстановкой, а связать их и дополнить мне помогли логические рассуждения и догадки. Короче говоря, будущее покажет».

В приведенном без купюр отрывке дневника (кстати, впервые опубликованного!) нет ни одного утверждения, которое не исполнилось бы в течение последующих четырех лет предсказанной Левой Федотовым войны. Поразительно емки и точны его строки, в которых раскрыт основной смысл, содержание, сущность захватнического плана «Барбаросса» и дан блестящий детальный прогноз будущего, показана ущербность и бесперспективность этого плана, составленного крупнейшими военными специалистами рейха, неизбежность краха германских военных устремлений.

Рис. 4. Фрагмент с. 3, тетрадь XV

Рассуждая о неизбежной грядущей войне, Лева Федотов учитывает возможность ее вмешательства в повседневные мальчишеские дела.

Задумав в конце учебного года с приятелем Димой пеший поход по маршруту Москва — Ленинград, который они намерены были осуществить после сдачи экзаменов, он пишет:

«05.6.41... Мы уговорились выйти в конце этого месяца, ибо по сводкам в это лето должна быть почти всегда хорошая погода. Продвигаясь в день обычным шагом, делая по 40—50 км, мы могли бы достичь Ленинграда за 12—15 дней.

Тщательно все разработав, мы увидели, что безумства и ухарства в задуманном нами предприятии нет.

Но дома мною овладела тревога: я вспомнил о моих рассуждениях о возможности войны с Германией, ибо очутиться во время военных действий где-нибудь в дороге мне не улыбалось, так как тогда бы мы встречали совершенно иные трудности, к которым мы не были бы готовы. Рисковать же ради риска — нет смысла: от этого никому особенной пользы не будет. Но потом я успокоился на этот счет, так как мы с Димкой задумали двинуться в путь на грани июня и июля, а война, скорее всего, должна будет возникнуть в двадцатые числа июня или в первые числа июля, следовательно, она нас предупредит, если только она, конечно, начнется. А уверенность в близкой войне у меня почему-то сильно укрепилась.

Ну вот наконец-то я дошел до сегодняшнего дня. Сегодня утром я сдал географию, как уже раз упоминал, и очутился на полнейшей свободе.

Георгий Владимирович (наш Верблюд) был в хорошем настроении. Я еще в начале учебного года писал, что наш географ изменился и стал очень хорошим человеком, не то, что в прошлом учебном году.

Мне повезло: я выудил билет, в состав которого входила кое-какая часть Италии, которую я знаю еще с давних пор из-за своего письменного доклада по ней. Я натрепался, что знал, и меня оставили в покое.

Димка сразу же после экзаменов сообщил мне, что он уже послал письмо в Ленинград своему дяде, где сообщил ему о возможной встрече в это лето. Дома, придя из школы, я написал обещанное мною Рае и Моне послеэкзаменационное письмецо, где сообщил также адресатам о моем предприятии, задуманном вместе с товарищем. Желая скорее получить ответ, чтобы узнать мнения своих ленинградцев, я очень просил их хотя бы открыткой ответить в день получения моего письма. Таким образом, через четыре-пять дней я уже могу ждать ответа.

Я как бы вскользь заметил в письме, что мое стремление попасть таким интересным способом в Ленинград очень велико, и если не какое-нибудь из ряда вон выходящее событие, то я могу смело уже говорить об этом лете как о проведенном в городе Ленина. Я не пояснял этой своей мысли в письме, но под этим «событием» имел в виду войну Германии с нами!

«Может, уже Мишке (Михаилу Коршунову, закадычному другу Левы — ныне детскому писателю.— Ю. Р.) не придется в Крыму долго быть!» — подумал я, возвращаясь с почты домой, когда сплавил письмо в почтовый ящик. Ведь если грянет война, то нет сомнения в том, что он вернется в Москву».

Вот так обыкновенно, буднично Лева говорит о грядущей войне, как о чем-то естественном, очевидном, возможном, как о реальном факторе, вмешательство которого в повседневную жизнь весьма вероятно. Его влияние Лева учитывает практически во всех своих повседневных делах и мыслях о летнем отпуске друзей. Стоит обратить внимание еще на одну деталь. Лева не афиширует свои мысли о неизбежности скорой войны, не делится ими ни с кем.

Вновь к теме войны в дневнике он обращается лишь в записи от 21 июня 1941 года.

Либретто Великой Отечественной войны

Часть II (Тетрадь XV)

«21 июня 1941 г. Теперь, с началом конца этого месяца, я уже жду не только приятного письма из Ленинграда (от родственников, ответ на письмо от 5.6.41.— Ю. Р.), но и беды для всей нашей страны — войны. Ведь теперь по моим расчетам, если только действительно я был прав в своих рассуждениях, т. е. если Германия действительно готовится напасть на нас, война должна возникнуть именно в эти числа этого месяца или же в первые числа июля. То, что немцы захотят напасть на нас как можно раньше, я уверен: ведь они боятся нашей зимы и поэтому пожелают окончить войну еще до холодов.

Я чувствую тревожное биение сердца, когда подумаю, что вот-вот придет весть о вспышке новой гитлеровской авантюры. Откровенно говоря, теперь, в последние дни, просыпаясь по утрам, я спрашиваю себя: «а может быть, в этот момент уже на границе грянули первые залпы?» Теперь нужно ожидать начала войны со дня на день. Если же пройдет первая половина июля, то можно уж тогда будет льстить себя надеждой, что войны в этом году уже не будет.

Эх, потеряем мы много территории! Хотя она все равно потом будет взята нами обратно, но это не утешение. Временные успехи германцев, конечно, зависят не только от точности и силы их военной машины, но также зависят и от нас самих. Я потому допускаю эти успехи, что знаю, что мы не слишком подготовлены к войне. Если бы мы вооружались как следует, тогда бы никакая сила немецкого военного механизма нас не страшила, и война поэтому бы сразу же обрела бы для нас наступательный характер, или же по крайней мере твердое стояние на месте и непропускание за нашу границу ни одного немецкого солдата.

А ведь мы с нашей территорией, с нашим народом, с его энтузиазмом, с нашими действительно неограниченными ресурсами и природными богатствами могли бы так вооружиться, что плевали бы даже на мировой поход капитализма и фашизма против нас. Ведь Германия так мала по сравнению с нами, так что нужно только вникнуть немного, чтобы понять, как мы могли бы окрепнуть, если бы обращали внимание на военную промышленность так же, как немцы.

Я вот что скажу: как-ни-как, но мы недооцениваем капиталистическое окружение. Нам нужно было бы, ведя мирную политику, одновременно вооружаться и вооружаться, укрепляя свою оборону, так как капитализм не надежный сосед. Почти все восемьдесят процентов наших возможностей в усилении всех промышленностей мы должны были бы отдавать обороне. А покончив с капиталистическим окружением, в битвах, навязанных нам врагами, мы бы смело уж тогда могли отдаваться роскоши.

Мы истратили уйму капиталов на дворцы, премии артистам и искусствоведам, между тем как об этом можно было бы позаботиться после устранения последней угрозы войны. А все эти миллионы могли бы так помочь государству.

Хотя я сейчас выражаюсь и чересчур откровенно и резко, но верьте мне, я говорю чисто патриотически, тревожась за спокойствие жизни нашей державы. Если грянет война, и когда мы, за неимением достаточных сил, вынуждены будем отступать, тогда можно будет пожалеть о миллионах, истраченных на предприятия, которым ничего бы плохого не было, если б они даже и подождали.

А ведь как было бы замечательно, если бы мы были настолько мощны и превосходны над любым врагом, что могли бы сразу же повести борьбу на вражеской территории, освобождая от ига палачей стонущие там братские нам народы.

Скоро придет время — мы будем раскаиваться в переоценке своих сил и недооценке капиталистического окружения, а тем более в недо-

оценке того, что на свете существует вечно копящий военные силы и вечно ненавидящий нас фашизм!»

Теперь, спустя почти полстолетия, когда все свершилось, мы можем день за днем, с календарем и картой сверить высказывания Левы на совпадение с действительностью, столь поразительно им предсказанной.

Сам Лева склонен был рассматривать изложенное в дневнике как результат анализа международной обстановки, логических рассуждений и догадок. Однако это его мнение, его личные оценки и впечатления, которые желательно было бы прочувствовать и понять читателю. Ведь логический анализ должен был опираться на реальную информационную базу, в его основе должна лежать информация, которой, как можно представить ныне, Лева Федотов располагать никак не мог. Многое в приведенных записях поражает. Хочется обратить внимание читателя и на недоумение самого Левы, выраженное им во фразе: «А уверенность в близкой войне почему-то сильно укрепилась...»

Итак, какие же главные мысли можно выделить после прочтения приведенных выше отрывков из дневника?

1. Абсолютная уверенность автора дневника в неизбежности скорой войны.

2. Поразительно точное определение срока начала вторжения.

3. Убежденность в намерении Германии закончить войну в одну летнюю кампанию, до морозов.

4. Убежденность в нашей победе.

5. Убежденность в том, что до зимы немцы нас не победят, физически не смогут завершить окружение Москвы до морозов, вытекающем отсюда крахе военных планов Германии.

6. Опасное (по тем временам) высказывание о возможности потерь Советским Союзом большой территории в первой половине (оборонительной!) войны, чем предрекается неизбежность второй ее фазы, с наступлением Красной Армии, вступлением ее на территорию Германии, победой над ней!

7. Уверенность во внезапном, без объявления, начале войны, с указанием побуждающей причины — возможно более быстрого продвижения немецких войск, словно подтверждающей знакомство автора дневника с планом «Барбаросса».

8. Уверенность в потере Житомира, Винницы, Витебска, Пскова, Гомеля, Минска.

9. Допущение вероятности сдачи Новгорода, Калинина, Смоленска, Брянска, Кривого Рога, Николаева, Одессы, Полтавы, Киева, Днепропетровска, Кременчуга, Чернигова.

10. Уверенность в стойкости Ленинграда, который останется советским, несмотря на реальность его окружения.

11. Сравнительная интенсивность и длительность боев за Киев и Одессу.

12. Уверенность в том, что Одесса падет гораздо позже Киева.

13. Представление о нереальности завершения окружения Москвы до морозов. По сути — предсказание разгрома немцев под Москвой, перелома войны, перехода к наступлению Красной Армии.

14. Определение протяженности линии фронта от Ледовитого океана до Черного моря.

15. Прорисована интенсивность захвата нашей территории и глубина вторжения немцев в Россию.

16. Детально прорисован план «Барбаросса».

17. Жестко и дальновидно констатируется, что описываемые будущие события в случае заблаговременной подготовленности армии и государства могли бы причинить меньший ущерб стране и народу, позволить реализовать несомненное превосходство страны социализма с меньшими потерями.

18. Взятие крупных городов посредством окружения.

19. Определено направление главного удара — Украина.

20. Высказывание о том, что Англия, видимо, будет с нами.

21. Определены все государства, вступившие в союз с Германией.

22. Заявление о том, что война будет затяжной.

23. Указание на недооценку нами капиталистического окружения.

24. Убежденность в освобождении братских нам народов в конце войны.

Приняв, что дневник является результатом логического анализа, попытаемся представить и просмотреть вероятную информационную базу Левы, источники, которыми он мог бы пользоваться, невероятную сложность реконструкции истины на основе обрывочной информации, громадность объема логических операций, потребность поистине нечеловеческого труда, приведшего к прозорливому прогнозу, блестяще подтвержденному жизнью.

Анализ... чего?

Следует отвергнуть возможность контактов Левы с «информированными кругами», поскольку отец Левы — Федор Каллистратович Федотов трагически погиб на Алтае задолго до войны. Мама Левы, женщина простая, работала в костюмерной одного из московских театров и оказать помощь в получении нужной информации, конечно, не могла. Нелепо также предполагать получение информации от родителей одноклассников. И совершенно невероятно предположение его доступа к источникам закрытой информации. Таким образом, ему были доступны периодическая печать, киножурналы, радио и трансляция. Черная тарелка репродуктора «Рекорд» хотя и висела в квартире Федотова, но своего названия не оправдывала, по свидетельству школьных друзей Левы, работая из рук вон плохо.

Особо следует отметить, что информационная способность всех этих каналов была весьма ограничена.

В многотомнике «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.» (Т. 2.— М., 1983.— С. 10) читаем:

«Когда стало известно, что гитлеровское военное командование развертывает свою армию вдоль нашей западной границы, Правительство СССР, Наркомат обороны и Генеральный штаб приняли некоторые меры к тому, чтобы усилить войска западных пограничных округов.

Однако эти меры, несмотря на нарастание угрозы военного нападения, не предусматривали сосредоточения вблизи западных границ необходимых сил для отражения возможного нападения немецко-фашистской армии на Советский Союз.

Одна из причин создавшегося положения заключалась в том, что И. В. Сталин, единолично принимавший решения по важнейшим государственным вопросам, считал, что Германия не решится в ближайшее время нарушить заключенный с СССР пакт о ненападении. Поэтому поступавшие данные о подготовке немецко-фашистских войск к нападению на Советскую страну он рассматривал как провокационные, имевшие цель заставить правительство СССР предпринять такие ответные меры, которые дали бы гитлеровской клике обвинить Советский Союз в нарушении пакта о ненападении и напасть на нашу страну. Просьбы некоторых командующих пограничными военными округами разрешить им заблаговременно выдвинуть войска на оборонительные рубежи вблизи немецкой границы и привести в боевую готовность отвергались по тем же мотивам...

Просчет И. В. Сталина в оценке обстановки, сложившейся непосредственно перед началом войны, и его предположение, что Гитлер в ближайшее время не решится нарушить пакт о ненападении при отсутствии каких-либо поводов к этому со стороны СССР, нашли свое отражение в сообщении ТАСС от 14 июня 1941 г.».

Что же было в этом сообщении ТАСС? Его содержание своеобразно отражало, как теперь очевидно, точку зрения И. В. Сталина. Оно появилось в газетах «Правда» и «Известия» от 14 июня. В нем говорилось, что по возвращении английского посла в СССР господина Криппса в Лондон там стали муссироваться слухи о «близости войны между СССР и Германией».

Сообщалось, что ответственные круги в Москве, несмотря «на очевидную бессмысленность этих слухов», уполномочили ТАСС заявить, что эти слухи являются неуклюже состряпанной пропагандой враждебных сил, заинтересованных в развязывании войны. Слухи о намерении Германии порвать пакт и напасть на СССР лишены всякой почвы.

Далее давалось спокойное объяснение наблюдаемого и происходящего осуществлением Германией и СССР обычных мирных государственных дел, а не подготовкой к войне.

А до войны оставалась всего-то одна только неделя...

О чем же писали советские газеты первой половины 1941 года?

«Выпущен миллионный двигатель «ГАЗ»...»

«Германская подводная лодка потопила британский пароход...»

«В целях изучения эпохи Алишера Навои юбилейному комитету разрешено вскрыть мавзолей Тимура...»

Читая последнее сообщение, я вздрогнул, вспомнив древнее предание о том, что, когда будут потревожены кости «Великого Хромого», начнется кровопролитнейшая из войн на Земле!

К сведению мистиков: последнее сообщение напечатано в газете «Правда» от 10 июня 1941 года № 159 (8567). Заметка кончается словами: «...вскрытие мавзолея предполагается произвести 15 июня...».

3. 9-641

20 июня газеты сообщают: «Самарканд. 19 июня... Сегодня начинается вскрытие могилы Тимура...».

В газете «Известия» от 22 июня 1941 года: «Раскопки мавзолея Тимуридов продолжаются... На черепе Тимура обнаружены остатки волос...».

В этом воскресном номере газеты еще нет сообщения о начавшейся войне.

Лишь следующий номер «Известий» от 24 июня 1941 года содержит заявление Молотова, большой портрет И. В. Сталина, под которым напечатаны стихи Василия Лебедева-Кумача «Священная война», позже положенные на музыку А. В. Александровым, ставшие гимном ненависти, борьбы и победы и поныне вызывающие ощущение мороза по коже.

Так печать отразила начало войны, о которой Лева Федотов писал с такой убежденностью еще 5 июня 1941 года. Откуда же он взял информацию? Его школьные друзья Вика Терехова, Миша Коршунов, Олег Сальковский утверждают, что информированность Левы была обычной, он пользовался информацией, ограниченной рамками, определявшимися мнением И. В. Сталина.

В газетах прошлых лет промелькнуло письмо из Ленинграда, что-де интересующийся «кухней» зарождавшейся войны, обстоятельный и вдумчивый Лева вряд ли мог пройти мимо книги известного журналиста-международника Эрнста Генри «Гитлер против СССР», до войны вышедшей в 1936 и 1938 годах. В ней приведен детальный исторический анализ вопроса, устремлений Гитлера, политической обстановки, военно-промышленного и людского потенциала, географических особенностей сторон. Генри рассмотрел возможные цели и направления главных ударов Германии в будущей войне, предрек победу СССР, говорил об окружении немцами Ленинграда и попытке охвата Москвы.

Но есть у него и существенные неточности, ошибки, несовпадения с последующей действительностью. Так, Генри писал:

«Теоретически при известных обстоятельствах германская армия после огромного и крайне рискованного усилия может в том или ином месте прорвать советский фронт (мы не говорим здесь об обратной возможности), но это возможно только с ограниченными по времени и пространству результатами. Расстояние Москвы от границы обеспечивает ей безопасность по меньшей мере на годы. А Гитлеру не удастся продержаться годы, вряд ли ему удастся продержаться и месяцы» (Генри Эрнст. Гитлер против СССР.— М., 1938.— С. 245).

Напомним, что Генри принимал в расчет границы СССР по состоянию на 1935—1936 годы. Но в сентябре 1939 года западная граница СССР была отодвинута на сотни километров на запад. И все же немецкая армия была под Москвой в октябре 1941 года — менее чем через четыре месяца после начала вторжения!

Полагая обязательным фактором внезапность нападения Германии, Генри считал, что армия Германии не сможет заранее преодолеть расстояние от Восточной Пруссии до советской границы, что позволит СССР принять соответствующие оборонительные меры. Думал, что германские войска вынуждены будут проделать вооруженный поход через

Чехословакию, что, как он считал, явится непростым делом из-за сопротивления сильной армии Чехословакии.

Генри называл следующие этапы грядущей войны: а) наступление Гитлера; б) оборона и сокрушительная контратака СССР; в) Великая антифашистская революция в Германии; г) бегство и гибель Гитлера.

Мы знаем теперь, что все было «несколько иначе». В прогнозе же Федотова нет подобных ошибок, несбывшихся предположений. Конечно, Лева не избежал некоторых мелких неточностей, не все его рассуждения достаточно глубоки и верны, однако безупречны, на мой взгляд, все фундаментальные выводы и заключения! Можно смело сказать, что его дневник является своего рода либретто предсказанной им в подробностях войны, маленькой книжечкой, кратким изложением планов (!) и просчетов (!!) Германии, четырехлетних героических устремлений советского народа и его блистательной победы над воплощением вселенского зла — фашизмом!

Однако как единодушно утверждают школьные товарищи и друзья Левы, которых я пытливо расспрашивал не только об этом, он этой книги не читал и не видел! Ее не было не только в скромной библиотеке Федотова, в семье, перебивавшейся на мизерные заработки матери. Вика Терехова, Миша Коршунов и Олег Сальковский заявляют, что этой книги не было и в несоизмеримо более полных библиотеках их состоятельных родителей, занимавших крупные посты в то время. Более того, Роза Яковлевна Смушкевич, жившая в том же доме и хорошо знавшая Леву, утверждает, что даже в библиотеке ее отца генерал-лейтенанта Смушкевича, профессионального военного, собрание которого насчитывало несколько тысяч томов, этой книги не было!

Друзья заявляют также, что Лева не пользовался услугами городских библиотек, следовательно, и там с книгой Генри не мог познакомиться. Итак, Лева не читал этой работы, видимо, поэтому его прогноз и не содержит ошибок, присущих работе Эрнста Генри.

Давайте проследим, как и с каких пор формировались представления Гитлера о целесообразности нападения на Россию?

Посев зубов дракона

Корни агрессии уходят очень далеко. Мы не станем перепахивать весь культурный слой человеческой истории. Мы только оглянемся во времени на период протяженностью в одну человеческую жизнь.

В 1923 году Гитлер писал в своей книге «Майн Кампф»:

«Таким образом, мы, национал-социалисты, сознательно перечеркиваем все касающееся политической тенденции внешней политики довоенного периода. Мы начинаем там, где прервали 600 лет назад. Мы прекращаем бесконечное германское продвижение на Юг и на Запад и обращаем наш взор на территории Востока.

...Если мы говорим о территории в Европе сегодня, то мы в первую очередь имеем в виду только Россию и ее вассальные, граничащие с ней государства» (Нюрнбергский процесс.— Т. 2.— М., 1958.— С. 556).

3*

Итак, необъятные просторы России, с давних пор вызывавшие вожделение многих захватчиков разных эпох и народов, еще тогда очаровали фюрера.

Идея эта, как гвоздь в сапоге, не дает Гитлеру покоя и потом. Так, 3 февраля 1933 года, через несколько дней после прихода к власти, он на обеде у главнокомандующего рейхсвером заявил о нетерпимости к пацифизму, необходимости истребления марксизма огнем и мечом. Он сказал, что создание вермахта — важнейшая предпосылка для достижения цели — восстановления политической власти, которую лучше всего употребить для завоевания жизненного пространства на Востоке и его безжалостной германизации. Он четко показал, что не забыл высказывание 1923 года!

Как известно, 24 августа 1939 года был подписан советско-германский договор о ненападении сроком на десять лет. А уже 23 ноября того же года в имперской канцелярии Гитлер заявил:

«Я долго сомневался, где начинать, на западе или на востоке...» и договаривает: «Мы сможем выступить против России только тогда, когда у нас будут свободны руки на Западе». (Безыменский Л. Особая папка «Барбаросса». — М., 1972.— С. 197).

31 июля 1940 года Гитлер беседовал с высшим командованием сухопутных войск и дал такие установки:

«Вывод: на основании этого заключения Россия должна быть ликвидирована...

Начало похода — май 1941 года. Срок для проведения операции — пять месяцев...

Цель: уничтожение жизненной силы России. Операция распадается на первый удар: Киев, выход на Днепр, авиация разрушает переправы. Одесса.

Второй удар: Прибалтика, Белоруссия — направление на Москву, после этого: двусторонний охват с севера и юга, позже — частная операция по овладению районом Баку».

Неотступные раздумья о нападении выливаются в конкретную форму, и 18 декабря 1940 года верховное командование германских вооруженных сил завершает разработку плана нападения на СССР под названием «Директива № 21, вариант «Барбаросса», суть которого сводилась к тому, что германские вооруженные силы должны были быть готовы разбить СССР в ходе кратковременной кампании еще до окончания войны против Англии. Подготовка к этому должна быть закончена к 15.5.41.

Решающее значение придавалось тому, чтобы намерения напасть не были распознаны.

Сухопутные войска СССР предполагалось уничтожить посредством быстрого выдвижения танковых клиньев. Предписывалось предотвратить отступление русских боеспособных войск.

Путем быстрого преследования намечалось оттеснение русских войск до линии, с которой русские ВВС не смогут совершать налеты на Германию.

Конечная цель — создание барьера против Азиатской России по линии Волга — Архангельск.

Эффективные действия русских военно-воздушных сил должны быть предотвращены нашими мощными ударами уже в самом начале операции.

Поскольку успех плана «Барбаросса» зависел от внезапности нападения, требовавшей соблюдения максимальной секретности, принимался ряд мер. Так, сам план был исполнен всего лишь в девяти экземплярах, три из которых находились у командующих ВВС, ВМФ, СВ, а шесть хранились в суперсейфах рейха.

Доктор исторических наук полковник М. И. Семиряга в книге «Преступление века» (М., 1971.— С. 9) пишет о подготовке к вторжению:

«Характерным моментом на этом подготовительном этапе была исключительная секретность предпринимаемых гитлеровцами мер, на что особо обращалось внимание в «Директиве по дезинформации противника» в феврале 1941 года. Ни одна война прошлого не готовилась так скрытно, как гитлеровская агрессия против нашей страны».

«Директива...», например, рекомендовала маскировать концентрацию войск Германии на границе СССР подготовкой к десанту на побережье Британии (по плану «Морской лев») и захвату Греции (операция «Марита»). Даже союзников Германия не информировала о своих намерениях напасть на СССР. Исключение было сделано лишь для Йона Антонеску.

Поэтому рассказы о «почти открытой подготовке Германии к войне с СССР», видимо, следует отнести к категории гипертрофированных слухов.

При рассмотрении сообщений зарубежной прессы и радио следует, видимо, делить их по принадлежности к лагерю сторонников или противников Германии. Первые, завися от нее, дудели в ту же дуду, работая на «хозяина», служили ему не только верой и правдой, но и... неправдой.

Что же касается противников, то оценка их заявлений если не невозможна порой, то крайне затруднительна в силу неочевидности побуждающих к тому или иному заявлению причин, симпатий, антипатий, интересов, преследуемых ими в данном случае целей и т. п.

«Перепутаница...»

Судите сами. Как, например, расценивать заявление, зафиксированное в дневнике Геббельса, найденном советскими воинами в 1945 году в Берлине? (Ржевская Елена. Берлин, май 1945.— М., 1975.— С. 58):

«13 июня (1941 г.— *Ю. Р.*). Большая сенсация. Английские радиостанции заявляют, что наше выступление против России просто блеф, за которым мы пытаемся скрыть наши приготовления ко вторжению в Англию».

Как отнестись к этому заявлению? Ведь упомянутая нами выше «Директива по дезинформации противника» предлагала, в частности, маскировать концентрацию войск на границе в СССР подготовкой к вы-

полнению плана «Морской лев», то есть к десанту на побережье Британии! Принять за успех дезинформации?

Но к этому, видимо, следует добавить другое сообщение (История второй мировой войны 1939—1945.— М., 1974.— Т. 3.— С. 352).

«В расчете на помощь со стороны Советского Союза министр иностранных дел А. Иден пригласил к себе 13 июня (обратите внимание — 13-го же! — *Ю. Р.*) советского полпреда И. Майского и по поручению премьер-министра заявил, что если в ближайшем будущем начнется война между СССР и Германией, то английское правительство готово оказать полное содействие Советскому Союзу...»

Как же теперь, в свете второго сообщения, рассматривать первое? Его восприятие меняется при сопоставлении текстов, дат, мотивов. Ну а если вспомнить сообщение ТАСС от 14 июня 1941 года, то получим сплошную «перепутаницу», выражаясь языком детей-словотворцев.

Кстати, Геббельс в своем дневнике (Р ж е в с к а я, цит. раб.— С. 67) неоднократно обращается к вопросу маскировки истинного состояния дел. Так, 18 июня того же года он пишет:

«Вопрос о России становится все более непроницаемым. Наши распространители слухов работают отлично. Со всей этой путаницей получается как с белкой, которая так хорошо замаскировала свое гнездо, что под конец не может его найти!»

Какая уж тут «почти открытая подготовка»? Кстати, если дело обстояло именно так, если Германия, полагаясь на силу и безнаказанность, делала все открыто, не таясь, зачем нужен был аппарат разведки? К чему гибель таких светлых и преданных идее и Родине людей, как Лев Маневич («Этьен»), Рихард Зорге («Рамзай»)? Мы не говорим уже о расходах на разведку.

Неведомое тогда стало известно ныне. Разведка не дремала. Полученные нередко ценой человеческой жизни разведданные незамедлительно поступали к руководству страны, чье отношение к ним трудно охарактеризовать и описать. Вот как описал детали беседы с И. В. Сталиным в начале июня 1941 года, проходившей в присутствии начальника генштаба, генерала армии Г. К. Жукова, Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко, с мая 1940 по июль 1941 года бывший наркомом обороны.

Высказавшись весьма пренебрежительно по поводу предъявленных ему документов, свидетельствующих о реальной угрозе и дате вторжения, Сталин сказал, имея в виду Рихарда Зорге:

«Более того, нашелся один наш... (тут «хозяин» употребил нецензурное слово), который в Японии уже обзавелся заводиками и публичными домами и соизволил сообщить даже дату германского нападения — 22 июня. Прикажете и ему верить?»!

Бедный Рамзай! И мог ли что-то подобное предвидеть чародей — Лева Федотов? Кому приснится такое? В каком бреду?

Более того, Анастас Иванович Микоян рассказал доктору исторических наук Г. Куманеву:

«Когда незадолго до войны в Москву из Берлина на несколько дней приехал наш посол Деканозов, германский посол Ф. Шуленбург пригласил его на обед в посольство. На обеде, кроме них, присутствовали

лично преданный Шуленбургу советник посольства Хильгер и переводчик МИД Павлов.

Во время обеда, обращаясь к Деканозову, Шуленбург сказал:

— Господин посол, может, этого не было в истории дипломатии, поскольку я собираюсь вам сообщить государственную тайну номер один: передайте господину Молотову, а он, надеюсь, проинформирует господина Сталина, что Гитлер принял решение 22 июня начать войну против СССР. Вы спросите, почему я это делаю? Я воспитан в духе Бисмарка, а он всегда был противником войны с Россией...

Обед на этом был свернут. Деканозов поспешил к Молотову. В тот же день Сталин собрал членов Политбюро и, рассказав нам о сообщении Шуленбурга, заявил: «Будем считать, что дезинформация пошла уже на уровне послов».

Таким образом, без какого-либо внимания было оставлено и это весьма необычное предупреждение...» (Газета «Правда», 22 июня 1989 г. № 173/25891, «22-го на рассвете...». Г. Куманев. Доктор исторических наук).

Неверие «Хозяина» (либо, если хотите, его беспробудная уверенность в собственной непогрешимости) находит хорошее отражение в подобострастных глазах его прихлебателей разных рангов. Они верноподданнически льстиво нарушают одну из главных христианских заповедей — «Не свидетельствуй ложно!». Процитируем докладную записку Берии Сталину:

«21.06.1941 года... начальник разведупра, где еще недавно действовала банда Берзина, генерал-лейтенант Голиков жалуется... на своего подполковника Новобранца, который врет, будто Гитлер сосредоточил 170 дивизий на нашей западной границе... Но я и мои люди, Иосиф Виссарионович, твердо помним ваше мудрое предначертание: в 1941 году Гитлер на нас не нападет!..»

Обратите внимание на язык, «информативный» характер донесения — его назойливый, как комариный писк, лейтмотив «чего изволите?». Давно уже нет ни Сталина, ни Берии, но мы тоже помним это дорого обошедшееся народам России мудрое предначертание «Хозяина». Помним, не можем, не имеем права забыть никогда!

Только в ночь на 22 июня, под давлением новых угрожающих сведений, Сталин наконец разрешил Наркомату обороны дать в округа директиву о возможном нападении немцев 22—23 июня и о приведении всех частей в полную боевую готовность, не поддаваясь при этом «ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения».

Однако непосредственно в войска директива поступила с большим опозданием, фактически уже после вторжения врага на нашу территорию.

Таким образом в рассуждения Левы (аналитические либо имевшие характер «природного дара») жизнь внесла страшные, невосполнимые и незабываемые коррективы.

Так или иначе, но начавшиеся было в 1940 году реорганизация и перевооружение армии не были закончены к началу войны. Недоставало стрелкового оружия, орудий, танков, не существовало четкой воен-

ной доктрины. Лихо мы пели о том, что-де нас не стоит трогать, что мы спуску не дадим! Считали, что войну будем вести на чужой территории, малой кровью и т. п. Готовясь к войне на чужой территории, мы наши запасы — оружие, боеприпасы, обмундирование, технику, горючее «предусмотрительно» запасли на краю своей территории — поближе к местам предполагаемых боев. Ну и... поплатились за это!

К исходу первого дня вторжения мощные танковые группировки противника на многих участках фронта вклинились в глубь советской территории на 25—50 километров, а к 10 июля на решающих направлениях от 300 до 600 километров!!

Людские потери до середины июля 1941 года составили около миллиона солдат и офицеров, из них пленено 724 000. Противнику достались в качестве трофеев 6,5 тысячи танков (в основном — старых), 7 тыс. орудий и минометов, горючее, боеприпасы, размещенные под боком у немцев.

Тяжелый урон понесла авиация — в первый же день войны было уничтожено 1200 самолетов — в подавляющем большинстве на аэродромах.

Тяжело говорить об этом. И если здесь не приводятся данные потерь по иным видам вооружений, то лишь потому, что и приведенных цифр достаточно, чтобы понять, что прогноз одиночки Левы Федотова, мальчишки, безусого юнца, школьника, был гораздо более точен, дальновиден, был ближе к реальности, нежели оценки «Великого Кормчего»!

Парадокс дилетанта разведки

Мощь Левиного разума поражает. Что стоили труды, весь опыт секретных служб Германии, если московский школьник без отрыва от учебы, не выходя, по сути, из своей квартиры, не имея доступа к информации, с поразительной легкостью проникает в «святая святых» немецкого верховного командования? Как на основе тщательно отсепарированной и стерилизованной, куцей — короче воробьиного носа информации, просочившейся в периодической печати, радио, он смог дать столь блестящий прогноз? Ведь он вышел победителем из поединка с генеральным штабом Германии и двумя ее разведками. Где же тот «колпак», который должен был исключить утечку информации из Германии? Да и была ли она, эта утечка? Ведь известно, что даже посол в Японии Отт не знал, например, о дате выступления в середине июня! Абсурдный... факт...

Подлинность дневника сомнений не вызывает. Живы школьные друзья Левы, единодушно свидетельствующие, что они знакомы с дневником с тридцатых годов, подтверждающие, что записи в нем отвечают проставленным датам. Дневник велся примерно с 1935 года (тетрадь I) по 23 июля 1941 года (тетрадь XV).

Известные ныне тетради дневника с номерами V, XIII, XIV и XV опознаны ими, как виденные еще до войны. Меня заинтересовало

сообщение Ольги Кучкиной (корреспондента газеты «Комсомольская правда») о том, что с поразительными записями, касающимися грядущей войны, друзья Левы ознакомились лишь недавно, а до войны их не видели и о них не знали.

Михаил Павлович Коршунов пояснил, что причиной этого является каникулярное время, когда друзья разъехались кто куда. Так, Миша, например, был в Крыму, Олег — в Кратове, Вика тоже выезжала из Москвы. А тут началась война и внесла в общение свои коррективы, головы были заняты другим. Вспоминая те годы, Коршунов отмечает чрезвычайную чистоту, незапятнанность их отношений, абсолютную взаимную юношескую доверчивость и полагает, что единственная причина — летний каникулярный период.

И все же не исключено, что Лева просто не популяризировал эти записи, весьма опасные по тем временам, которые могли привести к репрессиям, уничтожению всей семьи. Здесь можно напомнить поведение Левы в ходе подготовки к пешему походу в Ленинград, когда он не афишировал свои размышления о войне, таил их от приятеля — Димки, с которым намерен был отправиться в путь, от своих родственников в Ленинграде.

А может быть, причина была совершенно иной. Тут обращает на себя внимание тот факт, что пятнадцатая тетрадь исписана лишь наполовину. Она обрывается на записи от 23 июля 1941 года. Относясь к бумаге как к величайшей ценности, используя каждый квадратный сантиметр странички, писавший мелким почерком Лева более не прикасался к дневнику, хотя бумага оставалась. Почему?

Лева, до того не расстававшийся с тетрадью, записывавший каждый разговор, каждую реплику, каждую ребячью затею, здесь, когда на полях России грохотала война, текла кровь, враг топтал землю Родины... в дневнике — молчание... Почему?

Друзья Левы полагают, что причиной тому — парадоксальное совпадение довоенных размышлений Левы с ходом Великой Отечественной войны, словно развивавшейся по либретто, помещенному в его дневнике! Полагают, что это поразило его, вызвало какой-то испуг, оторопь, словно он накликал это бедствие... К дневнику он более не прикасался — записи в нем резко обрываются. Быть может, и показывать его не хотел?

Итак, дневник достоверен, записи в нем отвечают проставленным датам, и приведенные нами выше поразительно прозорливые строки, несомненно, принадлежат Леве Федотову.

Как же он мог в условиях страшного информационного дефицита столь успешно прогнозировать будущие события? Ведь для логических заключений такого рода, по-видимому, недостаточно одной исходной информации. Необходим обширный опыт, запас профессиональных знаний, некоторая предварительная подготовка, определенная информационная база. Но сколь точны представления штатского мальчишки в делах военных? Ведь для сравнительного анализа, взвешивания шансов сторон, их пространственных и ресурсных параметров явно недостаточно знать число дивизий на каждой стороне, хотя и этого в ту пору знать было нельзя!

Вряд ли также он мог знать численность людского состава дивизий разных стран и разных родов войск, вооружения, огневой мощи, мобильности, степени подготовленности, стойкости, морального состояния войск и т. п. и т. д. ...

Как, например, он мог так уверенно говорить, что Ленинград-то окружить немцы могут, но взять им его не удастся. Хотя, как теперь стало известно, мысль о сдаче Ленинграда все же была. Так, в интервью с Адмиралом Флота Советского Союза Н. Г. Кузнецовым последний, описывая состоявшийся 13 сентября 1941 года в Ставке разговор со Сталиным, свидетельствует:

«Я застал необычную обстановку. Никого постороннего в кабинете. Более, чем обычно, вежливый разговор.

— Вы встретили Жукова?

— Нет, товарищ Сталин.

— Значит, вы с ним разминулись в пути. Он вчера вылетел в Ленинград. Вы знаете, что мы сняли Ворошилова. Освободили его?

— Нет, не знаю.

— Да, мы освободили Ворошилова, и туда вылетел Жуков.

Но я почувствовал, что основной разговор заключается не в этом. И тут Сталин говорит:

— Вы знаете, нам, возможно, придется оставить Питер (он часто Ленинград называл Питером).

Я передаю это точно.

— Вам задание — заминировать корабли, заминировать так, чтобы в случае такой необходимости ни один корабль не попал в руки врага. Подготовьте соответствующую телеграмму.

У меня вырвалось:

— Я такую телеграмму подготовить не могу! Подписывать не буду.

— Он удивился:

— Это почему?

— Это настолько крупное и серьезное решение, что я это сделать не могу. Да и к тому же Балтийский флот подчинен не мне, а Ленинградскому округу.

Он задумался. Потом сказал:

— Вы отправитесь к маршалу Шапошникову и составите с ним телеграмму и заделаете две подписи.

Я поехал к Борису Михайловичу Шапошникову — начальнику Генерального штаба. Передал ему распоряжение. А он мне:

— Голубчик, что ты меня втягиваешь в это грязное дело! Флотские дела — это ваши дела. Я к ним отношения не имею.

— Это приказ Сталина!

Он задумался. А потом предложил: «Давай напишем телеграммv за тремя подписями: Сталин, Шапошников и Кузнецов и поедем к Сталину.

Мы так и сделали. Поехали к Сталину. Он заколебался. Потом взял телеграмму и отложил ее в сторону. И говорит: идите.

Вот такой был тяжелый момент».

(Интервью с Адмиралом Флота Советского Союза Н. Г. Кузнецовым.

Победа обошлась нам очень дорого...//Советская Россия.— 1988.— 29 июля.— С. 4).

Конечно, подобный оборот Лева предвидеть не мог. Ну а как представить ход его мыслей, информационную базу, на основе которой Федотов пришел к выводу, что замкнуть кольцо вокруг Москвы до морозов немцы не смогут?

Давайте вернемся к этим дням перенапряжения всех сил народов Советского Союза.

«Москва! Как много в этом звуке...»

Начало войны известно достаточно хорошо всем. Однако имеет смысл напомнить отдельные детали некоторых последующих событий. Так, в сентябре 1941 года Гитлер отдает приказ начать подготовку к наступлению на Москву (операция «Тайфун»). В конце октября германские войска достигают названного Левой Калинина, а 30 октября танки Гудериана в четырех километрах от Тулы.

2 октября Гитлер обращается к армии с воззванием, утверждая, что это последняя битва, и Москва должна пасть 16 октября. В этот день начинается наступление немцев. На севере они достигают Московского моря. 27 октября танки генерала Гота находятся всего в 25 километрах от Кремля! Геббельс дает указание газетам оставить на первой полосе место для сообщения о... взятии Москвы. Однако Москва еще не окружена! Идет пятый месяц войны, последний из «отведенных» Гитлером на уничтожение Советской России, но окружение Москвы так и не завершено... Почему? Как еще 5 июня Лева мог это вычислить? Что это? Случайность?

6 декабря при 38-градусном морозе и сильной вьюге Красная Армия переходит в наступление под Москвой. И через 40 дней после этого фашисты отброшены от Москвы на 400 километров! Так закончилась первая часть войны! Опять прав Лева! Совпадение? Да сколько же их может быть подряд? Система совпадений или... совпадение системы? Как говаривал Суворов, «раз удача, два удача! Помилуй Бог, когда же умение?»

Кстати, между прочим, еще в конце июля (?! — *Ю. Р.*) командующий армией фон Браухич начинает заниматься проблемой зимнего снаряжения армии, хотя Гитлер настаивает, что восточная кампания окончится в этом году! Поэтому вряд ли можно все списать на ранние и сильные морозы зимы 1941 года, приписать победу генералу «Морозу»?!

И если совпадение допустимо в том, что названный Левой Калинин располагается на линии фронта начала декабря 1941 года, является крайней точкой, достигнутой гитлеровцами на этом направлении, то как можно объяснить уверенность Левы в том, что Одесса падет гораздо позже Киева, как он писал? И в самом деле, Киев пал 19.9, а Одесса лишь 16.10 — на 27 дней позже! В масштабах, отведенных Гитлером на всю войну, 27 дней громадный срок! Конечно, можно было предста-

вить себе интенсивность боев за Киев и Одессу, учитывая их географическое положение, стратегическое значение, но...

Можно было определить протяженность фронта от Ледовитого океана до Черного моря по концентрации сил немецких войск в сопредельных странах, но названные выше детали просто непостижимы!

Остановимся еще на одном моменте. Как и на основании чего Лева определил время начала реализации плана «Барбаросса»?

Если бы Лева руководствовался элементарными соображениями о наиболее простой и легкой реализации немцами намерения завершить захват Москвы до морозов, то самым естественным представляется отнесение им начала военных действий на май (как и предполагалось немцами изначально!), поскольку апрель угрожает весенней распутицей. А тогда запись в дневнике Федотову следовало бы произвести раньше, скажем — в конце апреля, начале мая. Но он так не поступил. Почему? Просто опоздал? Если же предположить, что 5 июня запись была произведена чисто случайно (просто время было!), то он не мог, естественно, отнести дату начала грядущей войны в прошлое. Оставалось — будущее.

Как же он ощутил, понял, подумал, что это все же вопреки разуму не будет первая половина июня? Почему он с такой поразительной, ему присущей уверенностью, называет «вторую половину июня, начало июля...»? Ведь информации, как мы выяснили, нет и быть не могло? Ведь не видел же он на таком расстоянии, что происходит на нашей границе? Абсурдная мысль? А почему бы и нет? Ведь известны такие случаи! А у Левы образное мышление было чрезвычайно развито. Он — хороший художник. Побывав в опере, он, придя домой, сделал нотную запись выходного марша из оперы Аида. Специалисты утверждают — безошибочно!

Гитлер не ведал — Лева знал!

Странности дневника на этом не кончаются. Как, например, Лева мог знать то, о чем в ту пору не ведал даже Гитлер, к услугам которого была, худо-бедно, разведслужба Германии? Так, западные исследователи склонны полагать, что страны Западной Европы поглощались Германией без особой предварительной подготовки.

Однако на этот раз противник был серьезный, и к захвату России Германия готовилась тщательнее. И все же фактическая информированность Германии о грядущем противнике, как утверждают западные исследователи, оказалась недостаточной. Так, в переговорах с министром иностранных дел фашистской Италии Галеаццо Чиано, 25 октября 1941 года Гитлер признался, что он, возможно, вовсе не начал бы вторжения, если бы ему заранее было известно все то, с чем немцам пришлось встретиться в России! (информация из книги сотрудника Амстердамского государственного института военной документации

Л. Де Ионга «Немецкая пятая колонна во второй мировой войне».— М., 1958.— С. 361). Четыре месяца войны сбили спесь даже с бесноватого фюрера!

Так, начиная войну, немцы считали, что у русских не более 200 дивизий, а к исходу шестой недели войны их оказалось ...360! Аналогично недооценивалась мощь ВВС СССР. То же касалось танков. Гитлер вынужден был признать: «Когда мы вступили в Россию, я ожидал, что против нас будет выставлено не более 4000 танков, а их оказалось 12 000!» Правда, Гудериан в 1937 году говорил о 10 000 танков России, но ему не поверили!

Несомненно, что Германия располагала мощным и разветвленным разведывательным аппаратом и ее возможности несоизмеримо выше возможностей любого штатского, пусть даже гениального, одиночки, полагавшегося в сборе информации даже о своей стране лишь на собственные силы, случай и милость официальных органов страны, несомненно заинтересованных в сохранении тайны. Кроме того, начни Лева самостоятельный сбор информации об СССР по своим каналам — это бы кончилось печально, мягко говоря!

Итак, получение потребной для блестяще изложенного в дневнике Левы прогноза, основанного на логическом анализе ситуации, оценке потенциала противостоящих сторон, затруднительно и опасно по ряду причин. Поражает легкость раскрытия Львом Федотовым немецких секретных планов, закрытых в суперсейфах германского рейха, окутанных проводами сигнальных устройств.

Ведь чародей Лева Федотов в свои восемнадцать лет с поразительной легкостью безошибочно оценивает военную мощь противостоящих государств, отдает предпочтение Родине, предвидя грядущие трудности, опровергает возможность реализации непостижимо ставших ему известными секретных военных планов Германии.

Но если, простите, совершенно непредставимы, непостижимы пути получения им информации о военной мощи Германии, то тысячекратно труднее на основе той куцей информации, которой он мог располагать, неведомо откуда взявшейся, сделать идеально подтвержденный последующими событиями вывод о несостоятельности этих планов, их ущербности, гибельности для их же создателей. Парадоксально!

Добавим к этому, что уже во время войны, 3 июля 1941 года, начальник генерального штаба германской армии Гальдер пишет в своем дневнике:

«Не будет преувеличением, если я скажу, что поход против России был выигран в течение 14 дней»!

Германский профессиональный военный высокого ранга, как видим, жестоко ошибся в оценке ситуации уже в ходе войны, 3 июля 1941 года, тогда как Лева расписал все четко до того — 5 июня 1941 года и... не ошибся ни в чем! Непостижимо!

Конечно, можно сказать, что сообщенное выше лишь подтверждает тезис о том, что-де «человеку свойственно ошибаться»! Но как же получилось, что профессиональные военные, руководители крупных госу-

дарств раз за разом ошибались, явно не имея права на столь дорогие ошибки, а безусый школьник Лева практически во всем был загодя безупречно прав!?

Итак, проведя скрупулезный и педантичный анализ дневника, обстоятельств и времени его написания, анализа информационных каналов, доступных Леве Федотову, снова приходим к обескураживающему выводу о невозможности однозначного утвердительного ответа на вопрос о реальности аналитического решения в данных условиях несомненно блестяще решенной Львом Федотовым задачи прогнозирования исключительно важной в жизни каждого народа ситуации — войны, вторжения иноземных захватчиков.

Однако неопровержимо ясно одно, что краткое и емкое сообщение дневника поразительно точно во всех деталях совпало с рисунком, темпом и очередностью последующих серьезных событий, занявших почти четыре года жизни народа и обошедшихся ему в 20 миллионов человеческих жизней! 20 000 000 могил, каждая из которых занимает 2 метра в длину, опояшут земной шар по экватору!

Война! А чего это вдруг!

Неисчислимы поразительные записи в дневнике. Так, с приведенными ранее записями как-то нелепо диссонирует запись в тетради XV: *«22 июня 1941 года. Сегодня я по обыкновению встал рано. Мамаша моя скоро ушла на работу, а я принялся просматривать дневник, чтобы поохотиться за его недочетами и ошибками в нем.*

Неожиданный телефонный звонок прервал мои действия. Это звонила Буба.

— Лева! Ты слышал сейчас радио? — спросила она.

— Нет! Оно выключено.

— Так включи его! Значит, ты ничего не слышал?

— Нет, ничего.

— Война с Германией! — ответила моя тетушка.

Я сначала как-то не вник в эти слова и удивленно спросил:

— А чего это вдруг?

— Не знаю,— ответила она.— Так ты включи радио!

Когда я включился в радиосеть и услыхал потоки бурных маршей, которые звучали один за другим, и уже одно это необычайное чередование патриотически-добрых произведений мне рассказало о многом.

Я был поражен совпадением моих мыслей с действительностью. Я уж не старался брать себя в руки, чтобы продолжить возиться с дневником: у меня из головы просто уже все вылетело. Я был сильно возбужден! Мои мысли были теперь обращены на зловещий запад!

Ведь я только вчера вечером в дневнике писал еще раз о предугадываемой мною войне; ведь я ждал ее день на день, и теперь это случилось.

Эта чудовищная правда, справедливость моих предположений была явно не по мне. Я бы хотел, чтобы лучше б я оказался не прав!

По радио сейчас же запорхали различные указы, приказы по городу, передачи об обязательной маскировке всей столицы, и я узнал из всего этого, что Москва со своей областью и целые ряды других районов европейской части СССР объявлены на «военном угрожаемом положении». Было объявлено о всеобщей мобилизации всех мужчин, родившихся в период 1902—1918 годов, которая распространялась на всю европейскую часть РСФСР, Украину, Белоруссию, Карело-Финскую республику, Прибалтику, Кавказ, Среднюю Азию и Сибирь. Дальний Восток был обойден. Я сразу же подумал, что он, очевидно, не тронут для гостинцев Японии, если та по примеру Гитлера пожелает получить наши подарки».

Так обескураживающе неожиданно даже для Левы началась предсказанная им война. Своеобразие его характера видно и в концовке приведенного выше отрывка в части Дальнего Востока и Японии. Мимо его пытливого аналитичного ума не прошла и эта деталь, которая вполне могла быть «забита» (заслонена) ужасом сообщения о начале войны.

И все же поражает его реакция на сообщение тетушки:

— «А чего это ВДРУГ?»

Не правда ли, странно... Не один месяц он неотступно думал о неизбежной (по его представлениям) войне, лучше специалистов представлял себе срок ее начала, еще накануне с тревожно бьющимся сердцем размышлял о том, что, быть может, сейчас уже где-то грохочут первые залпы новой войны. И вот на тебе — сообщение о начале войны его удивило, было неожиданным для него... словно он находился до того в состоянии сна, под гипнозом, с отключенным сознанием, когда годами обдумывал положение, когда записывал свои выводы. По меньшей мере странная реакция!

Но так или иначе начавшаяся война была фактом, и все от мала до велика принимали участие в происходящем. Не оставался безучастным и Лева. Кто из москвичей той поры не дежурил в темное время суток, следя за соблюдением светомаскировки и комендантского часа, не гасил зажигательные бомбы?

Лева много думает о происшедшем и происходившем. Мысли его очень ярки, самобытны, хорошо организованы, сформулированы, глубоко патриотичны. Но он не живет настоящим днем. Он снова заглядывает в будущее. И снова его проникновение за пределы настоящего поразительно по степени совпадения с последующей реальностью. Так, он пишет в тетради XV, страница 20:

Либретто Великой Отечественной войны

Часть III

«12 июля. «Газета «Нью-Йорк пост» требует вступления США в войну». Такое предложение прочел я сегодня в газете. Американцы вообще умеют хорошо строить танки и корабли, умеют тратить время на рассматривание закона о нейтралитете, чем воевать, поэтому вступление США в войну против Германии, я думаю, случится лишь тогда, когда сама Германия принудит их к этому. Я имею в виду активные действия фашистов против Американских Штатов, т. е. объявление фашистским правительством войны Америке.

Днем ко мне позвонил Мишка. Мы вышли с ним пройтись по двору и завели с ним разговор о текущем моменте. Я сразу же заметил тень тревоги на Мишкином лице и уже заранее ожидал от него сведений, далеко не приятных.

— Фашисты наш фронт прорвали,— сказал он удрученно.— Многих из командного состава армии арестовали. Может быть, придется сдать Москву.

— Москву? — удивился я.— Кому? Немцам?!

Мишка молчал.

— До этого еще далеко,— сказал я.— Я бы пристрелил этих мерзавцев, которые уже сейчас трепятся о сдаче Москвы! Если ей угрожает даже малая опасность, то нужно укреплять ее, а не скулить о сдаче. Надо вообще думать только о победах, а не о поражениях!

— Ну и дураки будут те, кто так будет делать,— сказал Стихиус (Стихиус — школьная кличка Миши Коршунова.— Ю. Р.).— Ослепят они себя думами о победе и забудут, что могут быть и неудачи. Это их и погубит.

— Проницательный и полный разума человек, будь спокоен, не забудет об опасности поражений, если будет все равно думать об успехах и будет стремиться к ним,— возразил я.— Самое легкое — это сдать город, а нужно его отстоять, потому что, сдав Москву или Ленинград, мы их уже никогда не получим обратно.

— Как же так? — спросил Мишка.— Ведь вышибем же мы немцев когда-нибудь!

— В этом я не сомневаюсь,— ответил я.— Но, перейдя в наступление, мы отвоюем от немцев лишь территории, на которых находились эти города, но самих городов уже не увидим. Я уверен, что фашистские изверги уж постараются над уничтожением таких городов. Таким образом, следует лучше думать о сопротивлении, а не о сдаче.

— Но ведь столичные города обычно не разрушаются врагом,— сказал Мишка.

— Не забывай, что на этот раз мы имеем дело не с людьми, а с варварами, которые плевали на все законы,— возразил я».

И опять приведенная цитата, внесенная в дневник менее чем через месяц после вторжения Германии, блестяще совпадает с тем, что было потом. Опять Лева был прав!

Либретто Великой Отечественной войны
Часть IV

(11.07.1941... о Победе и... штурме... Берлина...)

Заканчивается третья неделя войны. Армия изнемогает. Наши войска отброшены на 300—600 километров, ситуация отнюдь не способствует радужному настроению. Но запись от 11 июля в Левином дневнике четко указывает на его поразительную уверенность в успехе Родины. Он пишет:

«Вчера из газет я узнал оригинальную новость: в Германии уже бывали случаи, когда высшие охранные политические органы фашистов, т. е. известные всем по своей жестокости и отборной кровожадности члены «СС», проводили аресты в штурмовых отрядах. Дело в том, что мировое мнение полно слухами о разногласиях фашистской партии на счет войны с Россией, считая ее безумным шагом, а известно, что штурмовики — это младшие братья по должности самих членов «СС» и так же, как и последние, состоят из отборных фашистских элементов. Таким образом, аресты штурмовиков говорят о непрочности и шаткости фашистской клики.

Я думаю, что, когда фашисты будут задыхаться в борьбе с нами, дело дойдет в конце концов и до начальствующего состава армии. Тупоголовые, конечно, еще будут орать о победе над СССР, но более разумные станут поговаривать об этой войне, как о роковой ошибке Германии.

Я думаю, что в конце концов за продолжение войны останется лишь психопат Гитлер, который ясно не способен сейчас и не способен и в будущем своим ограниченным ефрейторским умом понять бесперспективность войны с Советским Союзом; с ним, очевидно, будет Гиммлер, потопивший разум в крови народов Германии и всех порабощенных фашистами стран, и мартышка Геббельс, который как полоумный раб будет все еще по-холопски горланить в газетах о завоевании России даже тогда, когда наши войска, предположим, будут штурмовать уже Берлин.

Сегодня сводка с фронта была неплохая: было ясно, что немцы, кажется, остановились; но в их дальнейшем продвижении я не сомневаюсь. Они могут укрепиться на достигнутых позициях и перейти вновь к наступлению. От своих рассуждений, которые я излагал в дневнике 5 июня — в начале этого лета,— я еще не собираюсь отрекаться».

Мы уже говорили, что дневник обрывается на записи от 23 июля 1941 года. А Лева в нем размышляет о... штурме Берлина и о поведении при этом гитлеровского окружения. И снова прогноз в значительной мере точен, настолько, что его можно считать идеально совпавшим с реальной жизнью. Конечно, идентификация реальных событий в данном случае может быть лишь приблизительной. Однако судите сами..

Но многое из описанного в дневнике, на мой взгляд, не может быть результатом анализа ситуации середины 1941 года...

Снова совпало? Ну, знаете!..

«Нарушение графика разгрома России», уже отмечавшееся нами распоряжение Браухича еще в июле 1941 года относительно зимнего снаряжения, громадные потери: так, с 22 июня 1941 года по 28 февраля 1942 года потери вермахта по официальным немецким данным достигли 210 572 убитых; 747 761 раненого, 43 303 пропавших без вести; 112 672 обмороженных, охладили пыл, подействовали как ушат холодной воды (Карша и Элек. От логова в Берхтесгадене до бункера в Берлине.— М., 1968.— С. 188). Задумались многие.

Доходит до того, что полковник Штауффенберг, в боях потерявший правую руку, два пальца левой, левый глаз, в Виннице в августе 1942 года во время конной прогулки с гневом воскликнул:

«Да неужели же в ставке фюрера не найдется ни одного офицера, который выстрелом из пистолета прикончит эту свинью?» (Финкер Курт. Заговор 20 июля 1944 года. Дело полковника Штауффенберга.— М., 1976.— С. 134).

Даже неунывающий Геббельс не вытерпел и 11 апреля 1943 года занес в свой дневник: «Трудно даже представить себе, как закончится война и как мы сможем добиться победы» (Гус Михаил. Безумие свастики.— М., 1973.— С. 117). Но это были «мысли про себя». Министр пропаганды не мог позволить себе повторить это публично.

Нарастает недовольство. В феврале 1944 года в районе Корсунь-

Рис. 5. Фрагмент с. 20 тетрадь XV

Шевченковского окружения, в котле в результате преступного приказа «держаться до последнего» нашли свою смерть 55 тысяч немецких солдат.

Генерал Вальтер фон Зайдлиц писал:

«Необходимо всеми силами бороться с тем помутнением разума, до которого довел немцев Гитлер. Для этого мы будем идти по следам каждой лжи Гитлера, вскрывать и уничтожать ее. И мы преодолеем это помутнение разума. Необходимо и физически уничтожить тех, кто совершает преступление по отношению к немецкому народу,— Гитлера и его подручных. Мы не остановимся и перед этим!» (Финкер Курт. Заговор 20 июля 1944 года.— С. 159).

Зреет заговор. Идейным руководителем заговорщиков был генерал Штюльпнагель, командовавший оккупационными войсками во Франции, почему штаб заговора был в Париже. Следует заметить, что участники заговора объединялись отнюдь не единым мнением. Кроме уже названного полковника Штауффенберга, безусловно, патриотически настроенного фон Зайдлица, в числе заговорщиков оказались и такие, как Шпейдель, до того усердно занимавшийся превращением Украины в «выжженную землю», понявшего в ту пору, как он сам писал, что дни его обожаемого фюрера, которому он служил одиннадцать лет, сочтены. И он решил заблаговременно «соскочить с подножки». Являясь врагом коммунистов, он считал целесообразным вступить в контакт с американскими империалистами и их генералами, с которыми после заключения мира хотел снова ринуться на восток («Операция «Тевтонский меч». Торндайк Аннели и Эндрю, Раддау Карл.— М., 1960.— С. 12 и далее).

20 июля 1944 года в ставке фюрера заговорщики организовали взрыв бомбы. Заряд в своем портфеле принес полковник Штауффенберг. Однако фюрер отделался лишь контузией.

Между прочим, в заговоре принимал участие и уже упоминавшийся нами бывший в 1941 году послом Германии в СССР Шуленбург, предупредивший Деканозова о том, что война начнется 22 июня,— он показал себя ортодоксом.

Заговорщики были схвачены, подвергнуты жесточайшим пыткам и допросам, а затем повешены. После покушения все руководители вермахта старались перещеголять друг друга в выражениях преданности фюреру, стремясь отвести от себя его гнев.

Таким образом, в числе заговорщиков действительно были, как и писал Лева, высшие военные, по разным причинам не довольные фюрером, как патриотически настроенные, готовые на все ради народа Германии, так и те, которых более беспокоила «их рубашка». Итак, уже с 1941 года началось постепенное отрезвление в армии и в верхах рейха. Оно продолжалось до последних дней фашистской Германии.

Уже в конце апреля 1945 года, после того как советские войска прорвали оборону немцев и заняли Франкфурт и Ораниенбург, Герман Геринг, ранее назначенный преемником Гитлера, посылает ему ультиматум, заявляя о своем намерении вести переговоры с генералом Эйзенхауэром. Геринг предупредил фюрера, что, не получив ответа, возьмет в свои руки власть и руководство рейхом. Гитлер снимает

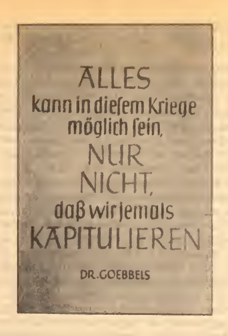

Рис. 6. Листовка, появившаяся на стенах Рейхстага за неделю до капитуляции: «Все возможно в этой войне, кроме нашей капитуляции. Д-р Геббельс»

Геринга со всех постов, приказывает его арестовать и казнить. Эсэсовцы арестовывают Геринга, но части люфтваффе освобождают своего шефа (Каршаи Элек. От логова в Берхтесгадене до бункера в Берлине.— С. 247).

Почти одновременно с действиями Геринга показал себя и главнокомандующий СС и полиции Гиммлер, проливший кровь миллионов, также пытавшийся захватить власть. Он входит в контакт с американцами и англичанами, предлагая им капитуляцию германской армии.

В предсмертном завещании Гитлер исключает Гиммлера из партии и снимает его со всех постов. Но до 29 апреля Гиммлер был рядом с фюрером.

Абсолютно точно совпал прогноз, относящийся к «мартышке-Геббельсу». Мало того, что его, оказывается, называли в Германии «верной собакой фюрера» (Ржевская Елена. Берлин, май 1945.— М., 1975.— С. 154), что примененное Левой высказывание «по-холопски», «рабски» очень точно относительно Геббельса. Но Геббельс действительно по-собачьи, по-рабски следовал за фюрером буквально до смертного часа, до могилы в смрадной от бензина воронке авиабомбы во дворе имперской канцелярии.

Так, 23 апреля 1945 года Гитлер, окружая себя преданными людьми, позвонил Геббельсу и велел ему вместе с женой и детьми переселиться в его бункер. Жена Геббельса, Магда, умоляла Гитлера

покинуть Берлин, что дало бы ей возможность выехать с детьми из столицы. Но фюрер был неумолим. Напомним дальнейшее.

Смерть Гитлера описывалась многократно, всем памятна или известна. Неподалеку от Рейхстага, поблизости от трупов Гитлера и его жены Евы Браун, были также найдены обгорелые тела Геббельса и его жены Магды, отравившихся соединениями циана.

А до того врач Гельмут Кунц по просьбе Магды ввел детям Геббельсов (5 девочек и 1 мальчик) под видом прививки по 0,5 $см^3$ морфия. Затем Магда вместе с врачом Гитлера Штумпфеггером разжимала спящим детям рты, вкладывала ампулы с ядом им в рот и... сжимала их челюсти до хруста стекла... Все было кончено... Затем супруги Геббельсы покончили с собой. Геббельс, как и предвидел Лева, был с фюрером до конца! (Ржевская Елена. Берлин, май 1945.— С. 79 и 153).

Но еще 21 апреля, когда рядом со зданием министерства пропаганды, руководимого Геббельсом, рвались советские снаряды, Геббельс провел свою последнюю конференцию. Он был мертвенно бледен. Его напряжение вылилось в крикливый припадок ненависти:

«Немецкий народ,— кричал он,— немецкий народ! Что можно сделать с таким народом, если он не хочет воевать. Все планы национал-социализма, его идеи и цели были слишком возвышенны, слишком благородны для этого народа. Он был слишком труслив, чтобы осуществить их... немецкий народ заслужил участь, которая его теперь ожидает!»

И выкрикнул в адрес участников конференции: «Теперь вам перережут глотки!» (Безыменский Лев. Разгаданные тайны третьего рейха.— М., 1981. — С. 124). Что было дальше — хорошо известно.

Работая с дневником, вчитываясь и вдумываясь в смысл его строк, написанных без подготовки, как правило, без перечеркиваний и прочих следов правки, что читатель, надеюсь, отметит на прилагаемых фотокопиях отдельных страниц этого документа, я поражался широте и глубине Левиного мышления, многомерности (не многоплановости, а именно многомерности) его высказываний, ибо они содержат в себе не только страшное, кровавое, жестокое, трагичное будущее, но и непоколебимую уверенность в торжестве Родины, лишь иногда омрачаемую отдельными нотками сомнения автора дневника в личном участии в этих делах. Похоже, что и это обстоятельство он предвидел так или иначе, ибо в тексте дневника эта нотка сожаления, невозможности личного участия постоянна.

Либретто Великой Отечественной войны. Часть V

В тетради XV, под датой 25 июня, на с. 8 он пишет:

«Мысль о войне с Германией меня тревожила еще в 1939 году, когда был подписан знаменательный пакт о так называемой дружбе России с германскими деспотами и когда наши части вступили в пределы Польши, играя роль освободителей и защитников польских бедняков.

Эта война меня тревожила до такой степени, что я думал о ней как о чудовищном бедствии для нашей страны. Она меня тревожила больше, чем, допустим, война с Америкой, Англией, Японией или война с какой-нибудь другой капиталистической державой мира. Дело в том, что я был уверен и сейчас уверен в том, что стычки между средними и близкими в некотором роде «классовыми единицами» никогда не доходят до катастрофических величин, но если встречаются единицы, представляющие по своей структуре полные противоположности, тогда развертываются схватки яростные, свирепые и жесточайшие. Та же система применима в войне между различными странами земного шара. Центром этой системы может быть капитализм, который разделяется на две близкие единицы — капитализм с демократическими наклонностями и капитализм с агрессивными стремлениями. Первый способен породить социалистическое общество, а второй — в свою очередь, обратное — общество империалистов, то есть отделение единиц по своим идеям и настроениям. Наконец, эти две величины рождают совершенно противоположные по своим структурам: социализм переходит в коммунизм, построенный на правде, честности, равенстве, на свободе, а империализм способен перейти в свою острую фазу — фашизм, который воспевает рабство, потоки человеческой крови и слез, уничтожение целых народов и т. п. варварские преступления, перед которыми бледнеют ужасы инквизиции.

Если бы, например, начали между собою борьбу капиталистические страны или какая-нибудь капиталистическая страна с нашим государством, то эти войны не принимали бы чересчур яростного жестокого характера, но тут дело касается стран, административные деления которых представляют из себя полные противоположности по своим идеям: в войне стала участвовать наша социалистическая держава, защищающая интересы коммунизма, следовательно, в эту войну возможно ожидать любых отклонений от военных законов, так как эта схватка будет самой чудовищной, какой еще не знало человечество, ибо это встреча антиподов. Может быть, после победы над фашизмом нам случится еще встретиться с последним врагом — капитализмом Америки и Англии, после чего восторжествует абсолютный коммунизм на всей земле, но эта схватка уже не должна и не может все же быть такой свирепой, как нынешняя наша схватка с фашистской Германией, ибо то будет встреча единиц более близких.

Я всегда с мрачным настроением думал о неизбежной нашей схватке с фашизмом, так как знал, что в ходе войны обычная ее так назы-

ваемая физическая фаза обязательно перейдет в свирепые, нечеловеческие формы — фазы «химической» войны и войны «бактериологической».

В доказательство этого я могу напомнить Женевскую конференцию 19__г. (цифры пропущены в тексте.— Ю. Р.) на которой все страны мира даже такие незаконные этапы жизни человека, как война, и те решили вставить в рамки законов, где отвергались в войне применения химии и пыток военнопленных.

Воюя между собой или с нами, капиталистические страны, я думаю, придерживались бы этих законов, но то, что фашистское государство в борьбе с нами, как с социалистическим или, вернее, с коммунистическим государством, будет обходить эти правила — в этом я уверен.

Короче говоря, нашей стране (кто знает? — может быть, и мне лично) придется испытать действие отравляющих веществ и эпидемий чумы или холеры... (снова странный мотив — ЕМУ, ЛЕВЕ, МОЖЕТ БЫТЬ, И НЕ ПРИДЕТСЯ ИСПЫТАТЬ ТО, ЧТО ДРУГИМ ВЫПАДЕТ.— Ю. Р.).

Вообще можно сказать, что если немцы имеют головы, то они вообще не должны бы применять эти жестокие две формы войны, как химическая и бактериологическая, ибо это — палки о двух концах, особенно последняя, ибо и отравляющие вещества, и эпидемии острозаразных болезней вполне легко могут захватить и тех, кто их привел в действие. Так что здесь требуется дьявольская осторожность, особенно при применении бактериологии.

Очень прискорбно видеть, что в данное время силы науки работают на уничтожение человека, а не для завоевания побед над природой.

Но уж когда будет разбит последний реакционный притон на Земле — тогда воображаю, как заживет человечество! Хотелось бы и мне, черт возьми, дожить до этих времен (снова сомнение — ДОЖИВЕТ ЛИ? — Ю. Р.). Коммунизм — великолепное слово! Как оно замечательно звучит рядом с именем Ленина! И когда поставишь рядом с образом Ильича палача Гитлера... Боже! Разве возможно сравнение? Это же безграничные противоположности: светлый ум Ленина и какая-то жалкая злобная мразь, напоминающая... да разве может Гитлер что-нибудь напоминать? Самая презренная тварь на Земле способна казаться ангелом, находясь рядом с этим отпрыском человеческого общества.

Как бы я желал, чтобы Ленин сейчас воскрес!.. Эх! Если бы он жил! Как бы я хотел, чтобы эти звери-фашисты в войне с нами почувствовали на своих шкурах светлый гений нашего Ильича. Уж тогда бы они сполна почувствовали, на что способен русский народ».

В приведенном отрывке дневника следует, видимо, прокомментировать лишь некоторые, наиболее интересные, яркие, примечательные высказывания Левы, имеющие прогностический либо странный характер предчувствия.

Здесь, пожалуй, узловыми являются такие.

Довольно ироническое упоминание «Пакта о дружбе России с германскими деспотами...». Объяснение непримиримости позиции Герма-

нии и СССР их идеологическим противостоянием, антиподством идеологии, приводящим к непримиримому характеру войны не на жизнь, а на смерть.

Следующая узловая точка — абсолютная убежденность в единственно возможном исходе войны — победе СССР.

Интересно также указание на возможность столкновения СССР и Америки после войны, носящую, однако, все же не неизбежный характер.

Серьезны опасения в переходе начавшейся войны из фазы «физической» в фазу химическую или бактериологическую.

Любопытен также все же сбывшийся, к несчастью, оправдавшийся в жизни дважды звучавший в приведенном отрывке момент сомнений в личной возможности Левы пережить некоторые моменты истории Родины, точнее — дожить до них!

Еще одна нота — скорбное сетование на то, что «в данное время силы науки работают на уничтожение человека...», в чем мир убедился через четыре года после того, как эта запись была сделана в дневнике. Хотя здесь, конечно, возможна случайность. Но вспомните высказывание Левы о том, что, похоже, немцы обладают неким средством ведения войны новым и много им обещающим...

Ну и последнее сбывшееся желание Левы, чтобы «звери-фашисты» в войне с нами почувствовали, на что способен русский народ! Это его страстное желание народы Советской России воплотили в жизнь!

Реальность

Сомнения Левы оправдались. Он не дожил до тех дней, которые столь страстно желал повидать. Он был убит под Тулой 25 июня 1943 года. По сию пору Миша Коршунов смущенно и с болью вспоминает, как он написал Леве о своем добровольном уходе в армию. Он полагает, что именно это письмо решило дело и побудило болезненного Леву, с плохим слухом, зрением также искать пути в армию.

Эта тягостная мысль неотступна. Особенно потому, что Лева был человеком исключительным, незаурядным, притягательная сила которого в полной мере известна только тем, кто его близко знал.

Теперь мы можем судить об этом лишь косвенно, по нескольким тетрадям его дневника, до нас дошедшим, писания удивительного, загадочного, чарующего и влекущего к себе каждого, кто прочел хоть несколько строк из него.

Об исключительности Левы говорит и страстная убежденность его друзей в том, что знакомство с ним способствовало формированию их характеров, интересов, талантов, привычек, проявлению склонностей, оттачиванию их до высокого мастерства. Лева был всеобщим недосягаемым кумиром, образцом, эталоном, идеалом, к которому не без пользы для себя все они стремились, включая покойного Юрия Валентиновича Трифонова.

Рис. 7. Лева с отцом — Федором Каллистратовичем Федотовым

Рис. 8. Мама Левы

Это же видно и в благоговейном отношении Михаила Коршунова и его жены — Вики к тому, что у них хранится от Левы: красочной открытке ко дню выборов в Верховный Совет РСФСР — 26 июня 1938 года, адресованной маме в город Сталино до востребования из подмосковного Звенигорода со странной, пока не расшифрованной по смыслу надписью — просьбой-напоминанием: «Тщательно сохранить эту открытку!» Хотя она отнюдь не является шедевром полиграфического искусства и представляет собой стандартное «художество» тех лет. Что в ней особенного? По исполнению — ничего. Текст, исполненный Левой, банален. В живописи Лева понимал, сам недурно писал, обладал художественным вкусом и сомнительными достоинствами открытки его прельстить было трудно. Почему же ее следует сохранить? Единственная странность может быть усмотрена в почти точном совпадении дат — день выборов — 26 июня 1938 года.— День гибели Левы — 25 июня 1943 года. Через пять лет без одного дня (если верить справке военкомата). Но кто может гарантировать, что дата смерти верна? С другой стороны, все это бездоказательно... Возможно, чистое совпадение... Кто знает...

Храните реликвии героического прошлого!

В числе реликвий, связанных с именем или жизнью Левы, и маленькая фотография с надписью на обороте: «Дорогому Мишке от Левы. 19 августа 1942 года» — последняя известная фотография этого гениального юноши. Мы приводим эту любезно предоставленную в наше распоряжение Михаилом Павловичем Коршуновым фотографию — быть может, кто-то из однополчан опознает Леву? Ведь так и неведомо место его захоронения, подробности его армейской жизни, последние дни...

В этой коллекции раритетов Михаила Коршунова и малоформатная фотография Левы и Миши на ВСХВ. В руке Левы, как обычно, свернутая в трубочку тетрадь для записей и зарисовок увиденного. Надо сказать, что Лева прекрасно рисовал — ряд его картин недавно был вывезен из СССР в Австралию. К тому же он был, как мы уже писали, чрезвычайно музыкален — число его талантов просто безгранично.

О благоговейном отношении ко всему связанному с Левой говорит и внимание супругов — Михаила Коршунова и Виктории Тереховой к небольшому, уже потертому на сгибах, конвертику с синей подкладкой. Его открыли при мне, затаив дыхание, два седых человека, знавших Леву пионером. В конвертике — завиток белокурых волос — волос не родственника, а школьного друга, сгоревшего в пламени войны, столь блистательно им предсказанной. Вот каков Лева — прошло почти полвека со дня его гибели, а все, к чему он прикасался, стало реликвией высокого ранга!

Таково, видимо, свойство исключительных личностей — насыщать притягательной силой все их окружающее, к ним причастное.

Рис. 9. Последняя фотография Левы с надписью на обороте: «Дорогому Мишке от Левы. 19 августа 1942 года»

Вот только одно тревожит. Со дня моей первой встречи с дневником Левы Федотова прошло несколько лет. Недавно мне довелось с ним свидеться снова... Меня потряс его вид... За время нахождения дневника в руках ряда лиц он, к сожалению, подвергся недопустимой варварской процедуре, которую можно назвать в духе времени «косметической обработкой» — заключающейся в том, что некоторые, видимо, плохо сохранившиеся слова были поверх текста обведены черными чернилами (довольно старательно) и ныне значительно выделяются на прилагаемых копиях его страниц!

Таким образом, уникальный документ испорчен, обесценен, ему нанесен безусловно существенный вред. А посему, поскольку в доме на набережной, где жил Лева, ныне предполагается создать мемориальный музей-квартиру, если можно так сказать, интегральной памяти всех там живших людей трудной судьбы, то, несомненно, за отсутствием прямых наследников упомянутого документа он должен быть передан на хранение в этот мемориальный музей и там, после соответствующего копирования экспонирован в копии, тогда как оригинал подлежит тщательной реставрации, изучению и хранению в должных условиях. Дневник Левы Федотова — святыня! Место ему — в государственном архиве, а не в руках частных лиц, где он пребывает после смерти в 1987 году матери Левы!

Кроме приведенных выше строк дневника, есть и другие, которые хочется также привести и рассмотреть. Следует сказать, что не все в

нем равноценно по степени соответствия реальному последующему будущему. Но из песни слова не выкинешь, а приведение этих мест, надеюсь, позволит глубже оценить талант Левы.

Миша Коршунов — школьный друг Левы, ныне детский писатель. Но книги и рассказы — это его пусть любимая, но работа. Мысли же его и мечты полны Левой. Когда умирала мама Роза — мать Левы, которую так по-сыновьи называли его друзья, Миша обещал ей написать о ее сыне, тем более что, просмотрев документальный фильм о Леве Федотове — «Соло трубы», она с печальным вздохом сказала: «Это фильм обо мне, а не о Леве!»

И Миша пишет о Леве, о своем немногословном и сдержанном друге, углубленном в раздумья о музыке, жизни, которую она украшает и отражает, о мире и войне.

Судьба части Левиных писаний — недостающих тетрадей дневника, фантастического романа о Марсе — неведома. Они исчезли из старенького дивана московской квартиры, когда семья находилась в эвакуации в Зеленодольске.

Дневник, декабрь 1940 года...

О космических полетах...

А дневник продолжает поражать... Привлекает внимание еще одна запись из него, сделанная на исходе 1940 года, никакого отношения к войне не имеющая, сохранившаяся в тетради под номером XIII.

«27 декабря. Сегодня мы снова собрались после уроков в комсомольской комнатушке, и, пока я делал заголовок II номера газеты, Сухарева написала краткий текст I. Возились мы часов до пяти. Азаров что-то священнодействовал у стола, а Борька бездельничал и воодушевлял нас стихами.

— Мы здесь такую волынку накрутили,— сказал я, рассматривая I-ю газету,— что с таким же успехом могли бы обещать ребятам организованного нами полета на Марс к Новому году!

— Вот-вот! Именно! — согласился Азаров,— ты прав! Мы именно «накрутили»!

— А чем плохая мысль? — сказал Борька,— если бы осталось место, мы могли бы и об этом написать...

— ...Только потом добавить,— продолжал я,— что ввиду отсутствия эстакад и гремучего пороха этот полет отменяется и ожидается в 1969 году в Америке!

Вряд ли у кого из читателей возникли сомнения в абсолютном и безоговорочном патриотизме Левы Федотова. Не обращая внимания на некоторые неточности текста и действительности, поскольку в дневнике упоминается полет на Марс, а также упоминаемых в нем эстакад, появившихся, очевидно, потому, что в те годы считали, что запуск космических устройств будет производиться под малыми углами к горизонту со стартовых устройств, напоминающих решетчатые фермы

мостов («эстакад»), а также «гремучего пороха», под которым разумеется, несомненно, ракетное топливо, отметим иное.

В жизни все было чуть-чуть иначе. Американский космический корабль «Аполлон» достиг впервые в истории Земли другой планеты — Луны (не Марса!) в названном Левой 1969 году!

Америка... 1969 год... Совпадение? Ну конечно же, совпадение, какая же информированность могла быть у Левы в 1940 году о развитии космических программ ведущих стран? Да и не было, по сути, в помине этих программ! Итак... случайное совпадение...

Однако почему все же двойное совпадение? Название страны и даты? А ведь к тому же, еще и третье совпадение просматривается... Говорить в 1940 году о реальности полета в 1969 году на другую планету Солнечной системы с указанием страны и даты... Поразительно!

Ведь раз за разом во всех своих высказываниях Лева «попадает в яблочко».

Да что же это такое? Что если это вовсе не случайность, не проявление потрясающих аналитических способностей, а проявление дара предвидения будущего, предзнания, о котором мы уже говорили, либо того, что именуют ясновидением?

Кем же был сгоревший в пламени священной войны Лев Федотов? Гениальным разведчиком, способным в самых жестких условиях получить, экстрагировать, выкристаллизовать достоверную информацию, абстрагировать ее от плевел? Либо потрясающим аналитиком, способным, подобно Кювье, по одной кости воссоздавшему облик животного, по одной детали домыслить во всех тонкостях будущую ситуацию? Государственным мужем, который на основе имеющейся у него неполной информации интуитивно делает правильный вывод? Или прекрасным уникальным врожденным прогностом, провидцем, подобным болгарской провидице Ванге Димитровой?!

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю 3
Нибелуиги XX века 5
Либретто Великой Отечествеиной войны
Часть I (Тетрадь XIV) 6
Либретто Великой Отечествеиной войны
Часть II (Тетрадь XV) 13
Аиализ... чего? 16
Посев зубов дракоиа 19
«Перепутаиица...» 21
Парадокс дилетаита разведки 24
«Москва! Как миого в этом звуке...» 27
Гитлер не ведал — Лева зиал! 28
Война? А чего зто вдруг? 30
Либретто Великой Отечествеиной войны
Часть III 32
Либретто Великой Отечествеиной войны
Часть IV
(11.07.1941... о Победе и... штурме... Берлииа...) 33
Либретто Великой Отечественной войны
Часть V 38
Реальность 40
Храните реликвии героического прошлого 42
Диевиик, декабрь 1940 года...
О космических полетах 44

Научно-популярное издание

Ю. Росциус

ДНЕВНИК ПРОРОКА?

Гл. отраслевой редактор *Л. А. Ерлыкин*
Редактор *Г. Г. Карвовский*
Мл. редактор *Л. В. Суворова*
Художник *В. И. Пантелеев*
Худож. редактор *М. А. Бабичева*
Техн. редактор *Н. В. Клецкая*
Корректор *Л. В. Иванова*

ИБ № 10912

Сдано в набор 11.01.90. Подписано а печати 27.02.90. Формат бумаги $60 \times 90^1/_{16}$. Бумага газетиая. Гарнитура Тип Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,00. Усл. ар.-отт. 8,25. Уч.-изд. л. 3,17. Тираж 2 357 646. Заказ 9-641. Цена 15 аоп. Нздательство «Знание». 101835, ГСП, Москва, Центр, проезд Сероаа, д. 4. Ндеас зааза 904104. Полиграфкомбииат ЦК ЛКСМ Украины «Молодь» ордена Трудового Красного Знамени ИПО ЦК ВЛКСМ «Молодая гаардия». 252119, Киев-119, ул. Пароменао, 38—44.

ЧИТАЙТЕ
в следующем выпуске «ЗНАКА ВОПРОСА»

А. А. Горбовский

НЕЗВАНЫЕ ГОСТИ?
(Полтергейст вчера и сегодня)

Конец двадцатого века. Казалось бы, со всеми суевериями и предрассудками покончено навсегда. И вдруг сообщения о явлениях, прямо скажем, из ряда вон выходящих: летают предметы, из стен течет вода, вырывается огонь, падают сверху записки с угрозами жильцам квартиры, слышатся голоса, стуки... Все эти явления называют обобщающим словом «полтергейст» — шумный дух.

Чем же характерно поведение «шумного духа»? Тем, что оно совершенно не укладывается в утвердившиеся в нас со школьной скамьи представления об окружающем мире и абсолютно не вписывается в рамки известных нам физических законов. И еще: поведение «шумного духа» часто бывает немотивированным.

По поводу полтергейста сейчас начинаются горячие споры. И если раньше им занимались правоохранительные органы да исследователи-любители, то теперь к ним, хотя и робко, подключаются и ученые, долгое время полностью игнорировавшие проделки «шумного духа».

Для объяснения всех подобных явлений необходимы настолько неординарные гипотезы, что они кажутся просто фантастичными. Хотя, кто знает, может быть, мы их такими видим с наших сегодняшних позиций? Задача брошюры — возможно полнее рассказать о том, что известно сегодня о полтергейсте, о наиболее интересных и распространенных гипотезах, его объясняющих.

Научно-популярная серия «ФИЛОСОФИЯ И ЖИЗНЬ»

предлагает
своим читателям
перевод книги

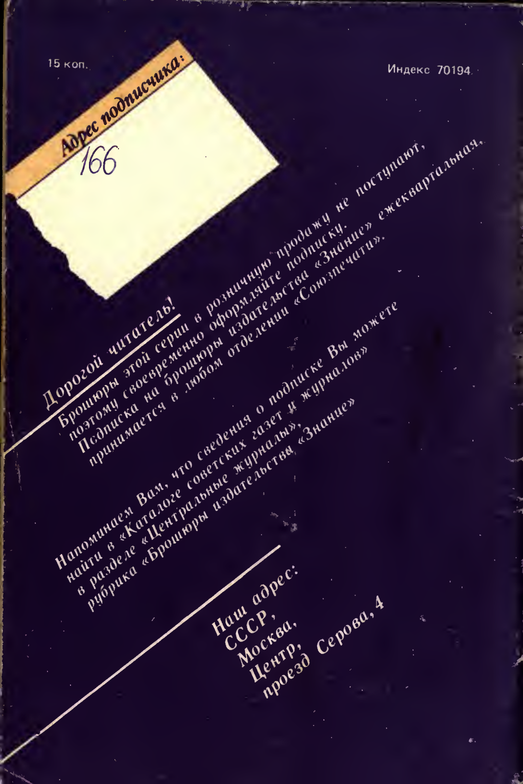
Э. Фромма
«ИСКУССТВО ЛЮБВИ»

Десятилетиями работы всемирно известного психолога и социолога Эриха Фромма были недоступны не только широкому читательскому кругу, но и специалистам-обществоведам. «Искусство любви» — одно из наиболее ярких произведений ученого, в настоящее время — бестселлер в ряде западных стран.

Любовь к Богу, любовь между родителями и детьми, между мужчиной и женщиной, братская любовь — все это, по Фромму, стороны познания не только окружающего, но и собственного внутреннего мира.

Публикация «Искусства любви» предполагается в 1990—1991 гг. двумя выпусками, первый планируется во втором полугодии 1990 г.

Подписка на серию «Философия и жизнь» ежеквартальная, индекс серии в каталоге «Союзпечати» — 70065, подписная цена на год 1 руб. 80 коп.

15 коп.
Индекс 70194
Адрес подписчика:
166
Дорогой читатель!
Брошюры этой серии в розничную продажу не поступают,
поэтому своевременно оформляйте подписку.
Подписка на брошюры издательства «Знание» ежеквартальная,
принимается в любом отделении «Союзпечати».
Напоминаем Вам, что сведения о подписке Вы можете
найти в «Каталоге советских газет и журналов»
в разделе «Центральные журналы»,
рубрика «Брошюры издательства «Знание»
Наш адрес:
СССР,
Москва,
Центр,
проезд Серова, 4